

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ

НАРОДНЫЕ ОБРАЗЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1918.

Посвящаю

С. Н. Репинской-Добровол.

РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

СУЖЕНАЯ.

Три года игралъ молодецъ съ дѣвицей, три осени. Много было поговорено тайныхъ словъ. Вотъ какъ Марья любила Ивана!

Кто у насть теперь такъ любить!

Пришло время вѣнцы надѣвать. И выдали Марью за другого, за Ивана не дали.

Живо старики справили дѣло. Попался зять совсѣтный, богатый, имъ и ладно. А ей не мѣдь житье, почернѣла Марья, чернѣе осенней ночи, и липь глаза горятъ, какъ свѣчи. Надсадилась—холодомъ заморозилось сердце, не весела, не радостна пѣла она вечерами заунывныя пѣсни, тяжко было до смерти. Да стерпѣла и покорилась.

Три года прожила Марья съ немилымъ, три осени. Стала у ней глотка болѣть. И недолго она провалялась, померла на Кузьму-Демьяна. И похоронили Марью.

Эй, зима—морозы пришли, бѣлымъ снѣгомъ покрыли могилу. И лежала Марья подъ бѣлымъ снѣгомъ, не горѣли больше глаза, плотно были закрыты вѣки.

Вотъ ночью стала Марья изъ могилы, пошла къ своему мужу.

Заградился Федоръ крестомъ, мужъ ея немилый.

— Да будь она проклятая баба! — и не пустилъ жену въ домъ.

Пошла Марья къ отцу, къ матери пошла.

— На кого ты ротъ разинула?—сказалъ отецъ.

— Куда ты, бѣсь, бѣгаешь? — сказала мать.

Испугался отецъ, испугалась мать, не пустили дочь въ избу.

Пошла Марья къ крѣстной матери.

— Ступай, грѣшная душа, куда знаешь, здѣсь тебѣ мѣста нѣту! — выпроводила крѣстная крестницу.

И осталась Марья одна — чужая на вольномъ свѣтѣ, лишь небомъ покрытая.

„Пойду-ка я къ моему старо-прежнему, — опомнилась Марья, — онъ меня приметь!“

И пришла она подъ окно къ Ивану. Сидѣть Иванъ у окна, образъ пишетъ — Богородицу. Постучала она въ окно. Разбудилъ Иванъ работника — ночное время — вышли во дворъ съ топорами.

Работникъ, какъ увидалъ Марью, испугался, думалъ, сѣсть его — да безъ оглядки бѣжать.

А она къ Ивану:

— Возьми меня, я тебя не трону.

Обрадовался Иванъ, подошелъ къ ней, ее обнялъ.

— Постой, — она говоритъ, — ты не прижимай меня крѣпко, мои косточки належались!

И сама глядитъ — не наглядится, любуется — не налюбуется. Вотъ какъ Марья любила Ивана!

Кто у пасъ теперь такъ любить!

Иванъ взялъ Марью въ домъ, никому ее не показывалъ, наряжалъ, кормилъ ее и поилъ. И жили такъ до Рождества вмѣстѣ.

На Рождество пошли они въ церковь. Въ церкви всѣ смотрятъ на Марью, отецъ и мать и мужъ Федоръ и крѣстная.

— Это будто моя дочка! — говоритъ мать.

— Да таки наша! — говоритъ отецъ.

Переговаривались между собою отецъ и мать и мужъ и крѣстная.

А какъ обѣдня кончилась, подошла Марья къ матери:

— Я ваша и есть, — сказала Марья, — помните, ночью къ вамъ приходила, вы меня не пустили, и пошла я къ старо-прежнему моему, онъ меня и взялъ.

И признали всѣ Марью и присудили ей: за стараго мужа,
за Федора пе дали назадъ, а дали ее Ивану.

Эй весна,—снѣга растаяли, пошли зеленые всходы, и на
Красную горку повѣнчали Ивана да Марью.

Тутъ моя сказка, тутъ моя повѣсть.

ЖЕЛАННАЯ.

Не хотѣла бабка, чтобы внукъ женился: жалко старухѣ разставаться съ любимымъ внукомъ. А онъ себѣ, знай, стоять на своемъ. И вотъ какъ вести къ вѣнцу, стала карга на вѣнчальномъ порогѣ и прокляла внука.

— Чтобы тебя, — говоритъ, — чортъ взялъ, триста чертей, тридцать и три, проклятое!

И когда шли отъ вѣнца молодые, чортъ внука и схапалъ, только и видѣли.

Осталась молодуха одна безъ молодого, плачетъ. Тошно ей одной, тошно на свѣтѣ жить: постыль ей бѣлый свѣтъ безъ миаго.

„Либо петлю на шею, либо мужа верни!“ — одно у ней на умѣ, и посылаетъ она свекра мужа искать.

Жалко старику сына. Говоритъ старикъ своей хозяйкѣ:

— Спеки мнѣ лепешекъ на дорогу, пойду за сыномъ.

Испекла хозяйка лепешекъ, снарядила своего старика въ дорогу, пошелъ старикъ въ лѣсъ. И въ лѣсу тамъ шелъ, шель, набрель на избушку — въ лѣсу тамъ, вошелъ въ избушку, положилъ лепешки на столъ, самъ за печку.

И слышитъ старикъ: идетъ... въ скрипку выскрипливаетъ, въ балалайку выигрываетъ, идетъ... приходитъ въ избушку, садится на лавку...

— Жаль, — говоритъ, — мнѣ-ка батюшки, жаль мнѣ-ка матушки, — а самъ все въ скрипку выскрипливаетъ, въ балалайку выигрываетъ, — жаль мнѣ молодой жены...

Хоть бы не жилъ я, разстался.
Хотя бы жилъ да потерялся!

Отецъ обрадовался, узналъ сына, выходитъ изъ-за печки.

— Ой,—говорить,—сынъ ты мой любезный, пойдемъ домой со мною.

— Нѣтъ, отецъ, нельзя никакъ!—сынъ пошелъ изъ избы.

Отецъ вслѣдъ:

— Я отъ тебя не отстану, куда ты, туда и я.

И приходятъ они къ ямѣ,—тамъ въ лѣсу. Сынъ съ отцомъ прощается. Поклонился сынъ отцу до земли, да бухъ въ яму. Постоялъ старикъ, постоялъ, не смѣеть лѣзть за сыномъ въ яму, и пошелъ, слезно заплакалъ, домой пошелъ.

У околицы встрѣчаетъ старика молодуха, горитъ вся:

— Ну что, видѣлъ?

— Видѣть-то, видѣлъ,—говорить старику,—да взять его никакъ невозможно,—и разсказать все, какъ было.

Какъ полотно, побѣлѣла молодуха.

— Я,—говорить,—завтра... я сама пойду. Куда онъ, туда и я. Я отъ него не отстану.

— Нѣтъ, невѣстка, отстанешь.

А она:

— Нѣтъ, не отстану.

А старуха бабка, слушавши, скалить свой зубъ черный—смѣется, вѣдьма: моль, отстанешь!

Напекла молодуха лепешекъ, дождалась, какъ свѣтать станетъ, и чуть поднялось солнце, пошла въ лѣсъ, и вышла на дорогу, какъ наказалъ старикъ, и тамъ набрела на ту избушку—тамъ въ лѣсу. Вошла въ избушку, положила лепешки на столъ, а сама за печку.

И слышитъ молодуха: идетъ... въ скрипку выскрипливаетъ, въ балалайку выигрываетъ, идетъ... приходитъ въ избушку, садится на лавку...

— Жаль,—говорить,—мнѣ-ка батюшки, жаль мнѣ-ка матушки,—а самъ въ скрипку выскрипливаетъ, въ балалайку выигрываетъ,—жаль мнѣ молодой жены...

Хоть бы не жиль я, разстался,

Хоть бы жиль да потерялся!

Туть и вышла она изъ-за печки, кинулась къ мужу.

— Ну,—говорить,—мужъ мой возлюбленный, куда ты, туда и я. Я отъ тебя не отстану.

— Отстанешь,—говорить онъ ей,—бѣдная ты!

А она:

— Нѣтъ, не отстану.

И вышли они вмѣстѣ изъ избы въ лѣсъ и приходяты къ той самой ямѣ, и сталъ онъ слезно прощаться:

— Прощай,—говорить,—Любава моя, тебѣ меня не видать больше.

А она:

— Куда ты, туда и я.

— Нѣтъ ужъ, ты за мнай не ходи, сдѣлай милость.

— Нѣтъ, я пойду, ни за что не отстану.

Онъ бухъ въ яму и скрылся. А она постояла, постояла, да за нимъ вслѣдъ, туда же—въ яму.

— Все равно,—говорить,—гдѣ онъ, тамъ и я: одна жизнь!

И какъ упала она вслѣдъ за нимъ въ яму, смотрить: дорога тамъ, домъ, и онъ ужъ подходитъ къ дому.

Догнала она его, ухватилась:

— Я съ тобой!

— Ой,—говорить онъ,—погибли мы теперь оба, ты и я: свадьбу вѣдь играютъ, дочку за меня выдаютъ.

И они вмѣстѣ вошли въ домъ. А тамъ сидѣть старикъ: страсть и глядѣть такой страшенній старикъ, а съ нимъ все триста и тридцать и три—черти, свадьбу играютъ.

— Это кого-жъ ты привель?—сказалъ старикъ, главный.

— Это жена моя, Любава.

Она старику въ ноги. Старикъ ее бить: и ломалъ, и лягалъ, и щипалъ, и всякъ ее ломалъ, да какъ наступитъ ножищей,—закричала она по худому, на глотку сталъ.

— Несите ее,—старикъ задохнулся отъ злости,—его да ее, стащите обоихъ изъ дома вонъ, откуда ихъ взяли, чтобы и духу не пахло!

Ну и потащили. И притащили ихъ ночью къ дому, хрюснули о крыльце, инда хоромы затрещали.

Такъ вернула Любава себѣ мужа, Петра, желанная, милая.

И стали они жить и быть и добра наживать, отъ лиха избывать.

ОБРЕЧЕННАЯ.

Былъ одинъ человѣкъ торговый—купецъ богатый. Помнилъ онъ Бога, Богу молился, чтобы дать Богъ всего хорошаго.

Былъ купецъ на ярмарку, задержался въ городѣ и только къ ночи на мѣсто поспѣлъ. Остановился купецъ на постояломъ дворѣ. А поздній былъ часъ, и чаю не выпилъ, помолился, легъ спать.

И вотъ слышитъ, будто подъ окномъ стучитъ кто-то, а онъ будто сталъ и къ окну:

„Что надо?“

„Въ сей часъ,—отвѣчаетъ ему со двора кто-то,—дитѣ родилось въ домѣ, и скажу тебѣ, что этому младенцу будетъ“.

„Что же ему будетъ?“

И отвѣчаетъ со двора ему тотъ же голосъ:

„До семнадцати лѣтъ вырастетъ этотъ младенецъ, а въ семнадцатый ангельскій день въ колодцѣ убьется на улицѣ“.

И больше ни слова. Спитъ купецъ, больше ничего не слышитъ.

На утро проснулся купецъ, вспомнился сонъ ему, и заходитъ онъ къ хозяину. А хозяйка въ ту ночь дитѣ родила—дѣвицу. Жалко стало купцу дѣвченку, и задумалъ онъ спасти ее, сохранить отъ бѣды неминучей, обреченную, и говорить отцу:

— Я всю ярмарку тутъ проторгую, возьмите-ка кумомъ меня.

Хозяинъ видитъ, купецъ богатый и человѣкъ очень хороший, согласился, взять его кумомъ. Богатыя спрвили крестины. Не пожалѣлъ купецъ денегъ, всѣхъ наградилъ щедро—и куму и крестницу. Всѣмъ купецъ по душѣ пришелся.

Кончилася ярмарка, пришло время домой вѣхать, прощается крестный.

— Ежели, — говоритъ, — будетъ жить моя крестница, оставлю ей обновъ всякихъ и содержанія, а какъ семнадцать лѣтъ ей исполнится, на ангельскій семнадцатый день я самъ у васъ буду, ежели самъ живъ буду.

Растетъ крестница. Шестнадцать годовъ проходитъ. Выросла крестница и такая—хороша, была бы лучше, да некуда. Шестнадцать годовъ прошло и ни разу не побывала крестный у крестницы. Ждутъ крестнаго: два дня осталось до ангельского дня, ждутъ купца, глядя на дорогу, не вѣдетъ ли?

Помнилъ Бога купецъ, Богу молился, чтобы дать Богъ всего хорошаго. Не забылъ онъ сна своего, не забылъ обѣщанія. Онъ спасетъ свою крестницу, сохранить ее отъ бѣды неминучей, обреченную: онъ одинъ знаетъ судьбу ея, одинъ можетъ повернуть судьбу.

Вѣдетъ купецъ. Встрѣчаетъ его крестница.

— Здравствуй, крестный!—и глядѣть на него—и таѣ хороша, была бы лучше, да некуда.

Купецъ ей гостинцу—платье привезъ, что всѣмъ людямъ на диво.

Начались именинныя сборы. Говорить крестный кумъ:

— Возьмите изъ колодца воды по надобью, чтобы на двое сутокъ воды хватило.

Взяла кума воды въ кадки, наполнила на двое сутокъ. Вѣлѣлъ купецъ обить колодецъ кожей. Самъ и кожу купилъ, самъ и работу провѣрилъ, все-ли сдѣлано такъ: мягко и гладко.

Наступили именины крестницы, семнадцатый ангельскій день.

„Въ семнадцатый ангельскій день убъется въ колодцѣ на улицѣ!“—держитъ купецъ въ памяти, никуда не отходитъ отъ крестницы, зорко слѣдить.

Весело было въ домѣ,—веселый пиръ задалъ купецъ,—нили, веселились гости. А крестница ничего не ъѣсть.

— Ничего не хочу, не надо мнѣ ничего!—все отказывается, вдругъ скучная стала.

И какъ ни потчевалъ крестный, ничѣмъ не развлекъ. Ей въ душу ничего не идетъ и не сидится на мѣстѣ: все на волю, все погулять просится. И обѣдъ не кончился, встала она изъ-за стола, да на улицу. И крестный за ней.

Идетъ она, словно ведетъ ее кто, скоро, легко идетъ, и прямо къ колодцу.

Догналъ ее крестный, взялъ за руку, крѣпко взялъ за руку.

„Въ семнадцатый ангельскій день убъется въ колодцѣ на улицѣ!“—не заглушить ему вѣщихъ словъ, держитъ въ умѣ.

А она вырвалась изъ рукъ и упала,—на эту мягкую гладкую кожу упала... у колодца.

Схватился крестный, зоветъ крестницу:

— Маша! Машенька!

А Маша ужъ мертвая.

И отнесли ее въ домъ и похоронили—слезно плакали. Да слезами не поможешь! Ужъ такъ ей было на роду написано.

ЖАЛОСТНАЯ.

Жилъ-былъ стариkъ со старухой и внучатъ двое: внукъ да внучка. Невѣстка въ городъ въ услуженіе пошла и пропала, а сына брѣвномъ задавило—такая напасть Божья: не разбойникъ, не воръ, поди-жъ ты!

Избенка ветхая, темная, стариkъ-то мѣшкомъ свѣть въ избу носиль, ну, мѣшкомъ много-ль принесешь свѣта? Корова тоже была, втащить корову на бани—на бани трава росла—тутъ коровъ и кормъ. Косы, чтобы траву выкосить, у стариковъ не было: какой-то шальной станцill косу. Такъ и жили.

Разъ послали старики внучку Нюшку на берегъ мочалу полоскать — вѣникъ. Ждать-подождать, не возвращается Нюшка, бабушка и стоскнулась, пошла искать дѣвченку. Приходитъ старуха на сходни, а Нюшка сидить, плачетъ.

— Что ты, дитятко, плачешь?

А дѣвченка пальцемъ на деревню кажеть—за озеромъ деревня была, да какъ взвоетъ.

— Выйду,—говорить,—я въ эту деревеньку замужъ, рожу паренька. Будетъ паренекъ на двѣнадцатомъ годку, пойдетъ по молоденъкому льду да и потонетъ.

Тутъ и бабушка начала плакать.

Хватился внученокъ бабушки да сестренки,—нѣть нигдѣ, ужъ и туда побѣжалъ и сюда сбѣгалъ, обѣжалъ дворъ,—нѣть нигдѣ. На сходни къ озеру сиганулы мальченка, смотрить, а бабушка съ Нюшкой и сидять, обѣ плачутъ—разливаются; сестренка-то совсѣмъ захлебнулась.

— Сестрица твоя что задумала!—сквозь слезы говоритъ бабушка,—выйдетъ она замужъ въ ту вонъ деревеньку, родить паренъка, и какъ будетъ паренёкъ на двѣнадцатомъ годку, пойдетъ по молоденькому льду да и потонетъ.

Внушенокъ слушалъ, слушалъ да какъ зареветь.

Стоскнулся дѣдъ по внучепкѣ, покликалъ Петьку,—нѣту.

„Э!—смекнулъ стариkъ,—на озеро, знать, куроѣдъ побѣжалъ купаться!“—и пошелъ себѣ тихонько на озеро искать внученка Петьку.

А они всѣ трое тутъ какъ-тутъ на сходняхъ, сидять рядкомъ,—бабушка, внучка и внученокъ, волятъ.

— Что это вы, родимые, плачете?

А внучка ужъ закатилась, Нюшка, кулачки сжала.

— Ой ты, стариkъ,—прошамкала старуха,—внучка-то у насъ, Нюшка, что задумала: выйдетъ она замужъ въ ту вонъ деревеньку, родить паренъка, и какъ будетъ паренекъ на двѣнадцатомъ годку, пойдетъ по молоденькому льду и потонетъ.

Дѣдъ крѣпился, крѣпился, не выдержалъ да въ слёзы.

И плачутъ, сидятъ у озера, плачутъ—стариkъ со старухой да виучатъ двое: внукъ и внучка.

И никто не утѣшилъ, ни старого, ни малаго. Невѣстка-то въ городъ въ услуженіе пошла и пропала, а сына бревномъ задавило,—такая напасть Божья: не разбойникъ не воръ, поди-жъ ты!

Эхъ, грѣхи наши тяжkie!

ПОТЕРЯННАЯ.

1.

У одного купца росла дочь Домна. Строго ее держаль отецъ: ни на улицу выйти, ни на гулянье куда, за порогъ безъ себя не пустить. Въ верхахъ сидѣла Домна. И кушанье ей туда подавали, готовое все. Такъ въ верхахъ и сидѣла Домна, только что изъ окна и глядить на свѣтъ Божій.

Богатый купецъ былъ, отецъ Домны: свой кабакъ, сорокъ цѣловальниковъ при кабакѣ держалъ. У купцова дома всегда народъ. А въ праздникъ собираются парни, игру затѣютъ, веселятся.

Какъ-то играли парни, кто въ рюхи, кто мячикомъ.

Мячикъ въ окно въ верхи и заскочи къ Домнѣ. Домна окно закрыла. И какъ ни просили ее, не отдаетъ мячика.

Ну, а тутъ какой-то и выскоцилъ—рукавицы съ когтями, сапоги съ когтями, да по стѣнѣ къ ней къ окну въ верхи и забрался. Домна оконико отворила и отдала ему мячикъ.

И съ той поры сталъ смѣльчакъ гостить къ купцовой дочкѣ.

2.

Сидѣть разъ дружокъ у Домны въ верхахъ, а отецъ идетъ. Что ей дѣлать? Куда склонить дружка? Взяла она да въ постель его къ подушкамъ и завернула.

Пришелъ отецъ, сѣль на кровать: то да се, дочку разспрашиваетъ.

Строгій былъ старики, строго держалъ дочь, а безъ Домны дѣла не начнетъ, все только съ ней и совѣту. Любилъ старики дочь: одна она у него была.

За разговорами старики и задремалъ, протянулся поудобнѣе, да и заснулъ на кровати. А тотъ, дружокъ-то, лежалъ-лежалъ подъ старикомъ и кончился: безъ воздуху трудно, задохнулся.

Чтѣ ей дѣлать? Отцу-то не смѣеть сказать: не спустить старики—строгій былъ, строго держалъ дочь. Домна къ дворнику:

— Выручи,— говорить,— Максимъ, убери. Убеть батюшка.

А дворникъ,— былъ такой дворникъ у купца шантряпъ изъ городу, въ городѣ бурлачилъ, а вернулся въ деревню, въ дворники къ купцу поступилъ,— ему это плевое дѣло, онъ этого парня во дворъ спустилъ и убралъ куда-то.

И сталъ шантряпъ съ поры на пору къ купцовой дочки похаживать, какъ дружокъ покойный.

3.

Осень пришла, ночи темныя.

Собрались купцовы цѣловальники, всѣ сорокъ цѣловальниковъ въ кабакъ при празднике, и съ ними дворникъ: безъ него дѣло не обходится. Выпили пріятели, затавокали: кто про чѣ,—извѣстно, хвастаются, вино-то куда хвастливо!

Дворникъ и говоритъ:

— Вы,— говорить,— что! Я вотъ, я,— говорить,— къ купцовой дочки хожу!

— Что ты врешь,— галдятъ,— быть не можетъ! — крякаютъ.

— И очень просто, хожу!— ломается шантряпъ.

— А если ходишь, такъ приведи.

— Что-жъ, и приведу!— пуще ломается шантряпъ, да изъ кабака къ купцу въ домъ въ верхи.

Поздній былъ часъ, спать улеглись по домамъ.

Разбудиль дворникъ Домну. А ей, хоть плачь, итти надо.

И привель шантряпъ купцову дочку въ кабакъ, вывелъ на середку къ цѣловальникамъ, самъ куражится.

— Угощай,—говорить,—гостей, кланяйся!

Взяла Домна подносъ, двѣ рюмки на подносъ, бутылку вина, пошла обходить гостей, потчивать.

Пьють гости, подмигиваютъ: рожи красныя, пьяныя. Разъ что Домна за шантряпа пошла, имъ ли не взять ее!— всякъ о себѣ свое одно думаетъ, глазомъ примѣриваетъ. Пьють гости, подмигиваютъ.

А она глазъ не подыметъ, ходитъ съ подносомъ, кланяется.

И напились цѣловальники, свалились съ лавки подъ столъ, и дворникъ захрапѣть подъ столомъ. Всѣ заснули, всѣ сорокъ цѣловальниковъ.

Одна Домна, одна въ кабакѣ съ подносомъ стоитъ.

„До утра дождаться, всѣ узнаютъ, донесутъ батюшкѣ!“— думаетъ себѣ Домна, а сердце такъ и ходить, такъ и рвется.

И взяла Домна отворила бочку съ виномъ, пропустила вино да и зажгла все вино, а сама домой, въ верхи, въ свою комнату.

По утру встаетъ старикъ, а къ нему посланный:

— Кабакъ сгорѣлъ, сорокъ цѣловальниковъ сгорѣло въ кабакѣ и дворникъ твой сгорѣлъ.

Старикъ къ Домнѣ: въ горѣ ли, въ радости—все къ ней, съ ней одной совсѣть. Строгій былъ старикъ, строго держалъ дочь, а любилъ ее: одна она у него была.

— Что,—говорить,—дитятко, спиши, бѣда у насъ.

А на ней лица нѣть.

— Такъ мнѣ, батюшка, тяжело мнѣ было, такъ... не спала я, спать не могла...

— Кабакъ сгорѣлъ, сорокъ цѣловальниковъ сгорѣло въ кабакѣ...—говорить отецъ, самъ смотрить на дочь и вдругъ поняль старикъ,—всѣ, всѣ сгорѣли и дворникъ твой!

РОБКАЯ.

Жила-была одна дѣвица, умеръ у ней отецъ, умерла и мать. Осталась одна Федосья, да безъ отца, безъ матери и спозналась съ работникомъ отцовскимъ.

Хорошій былъ работникъ-бурлакъ, крѣпко полюбилъ Федосью, и Федосья къ нему привязалась, и жить бы имъ да жить, да люди-то говорить стали,—не хорошо.

Федосья и оробѣла.

Пошла Федосья къ дядѣ, просить дядю и тетку.

— Возьмите,—говорить,—меня, примите къ себѣ.

А дядя и тетка говорятъ:

— Покинь свою дружбу, такъ мы тебя возьмемъ.

На все готова Федосья: оробѣла дѣвка.

— Покину,—говорить,—покину, возьмите только.

И приняли старики племянницу и стала Федосья жить въ дядиномъ домѣ: какъ дочь стала жить, а дружбы своей не покинула.

Пойдеть на вечеринку, тамъ украдкой и свидится съ нимъ, гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, украдкой, поговорить съ нимъ,—поговорять, потужать.

И опять въ люди вышло: узналъ дядя, узнала и тетка, стали старики поругивать Федосью.

А тутъ этотъ работникъ-бурлакъ вдругъ и померъ.

— Слава Богу,— успокоился дядя, успокоилась тетка,— больше съ нимъ зваться не будешь!—и стали старики подумывать, какъ бы племянницу замужъ выдать, стали старики присматривать ей человѣка.

А Федосья прежде-то, какъ живъ онъ былъ, работница-то, все таилась, робкая, скрывала отъ людей, а ужъ тутъ,—куда робы!—ничего не таить, никого не боится, и все по немъ тоскуетъ, все въ умѣ его держитъ.

Пойдеть на вечеринку, ни пѣть не поетъ, ни въ игры не играеть, а какъ сядеть, одна сидитъ молча, и ужъ сама себѣ на могилу итти ладить,—къ нему на могилу. А вернется съ кладбища, спать ляжетъ, а въ умѣ все одно,—о немъ тоскуетъ.

И сталъ онъ приходить къ ней ночью.

Никто его не видить, ни дядя, ни тетка, одна она видитъ.

— Я умеръ,—сказалъ онъ ей,—да не въ зѣболь, иди за меня замужъ.

И съ той поры повеселѣла Федосья, веселая, не узнаешь ее, подвѣнчное платье себѣ шить принялась.

И на вечеринкахъ не узнать ее.

Тоже и на вечеринки сталъ онъ приходить къ ней.

Люди его не видятъ, одна она его видить.

— Я за него замужъ пойду!—говорить Федосья подругамъ, смѣется.

— Что ты,—говорятъ,—его, вѣдь, въ живыхъ нѣту.

— Нѣту, какъ-же! Онъ ожилъ!—смѣется Федосья.

Сшила себѣ Федосья подвѣнчное платье, въ подвѣнчномъ платьѣ невѣстой пришла на вечеринку. И онъ къ ней пришелъ на вечеринку.

Никто его не видить, одна она его видить.

И они говорились: она съ вечеринки пойдетъ къ нему въ избу, гдѣ у отца онъ жилъ, а изъ избы вмѣстѣ пойдутъ въ церковь вѣнчаться.

— Я нынче замужъ пойду!—сказала подругамъ Федосья, смѣется, и простилась, ушла домой.

Не слыхаль ни дядя, ни тетка, какъ вернулась племянница въ домъ, крѣнко старики спали. А по утру хватились, племянницы-то и нѣть. Гдѣ, гдѣ?—не знаютъ.

Не знаютъ, гдѣ и взять, и платья ея подвѣнчнаго нѣть.

А дѣвки говорятъ:

— Сказывала, замужъ пойдетъ.

Старики на кладбище, къ могилѣ.

„Сказывала, замужъ пойдетъ!“

А она на могилѣ, мертвая на его могилѣ лежить и
платье ея подвѣнечное на крестѣ развѣщено.

Такъ за покойнымъ дружкомъ и ушла, не сробѣла.

ОКЛЕВЕТАННАЯ.

1.

Жилъ-былъ одинъ человѣкъ богатый и было у него двое дѣтей: сынъ да дочь. Пришло время отцу помирать, старикъ и наказываетъ сыну:

— Ни отъ Бога, ни отъ меня нѣтъ тебѣ благословенія, Михайла, взять жену изъ своей деревни, изъ своей не бери!

И померъ. И остался Михайла съ сестрою. Только съ Палагеей что и разговоръ у Михайлы, и въ гости никуда не ходить, все дома, все съ сестрою.

Совѣтно жилъ братъ съ сестрою.

Въ лавочку Михайла пойдетъ.

— Прощай!—скажетъ,—сестрица!

Изъ лавочки придетъ.

— Здорова, сестрица!

Такъ три года жилъ Михайла не женатый, завѣтъ отца помнилъ, никуда глазъ не казалъ, все дома, все съ сестрою.

Совѣтно жилъ братъ съ сестрою.

Разъ приходитъ изъ лавочки Михайла, говоритъ сестрѣ:

— Сестрица, буду я жениться, возьму жену изъ нашей деревни.

— Ахъ, братецъ, братецъ, тебѣ батюшка не велѣлъ!

— Ну, сестрица, ну, родимая, будь что хочешь, а жениться надо.

— Ну, какъ хочешь,—говорить Палагея,—играй свадьбу.

Михайла и женился.

На Варваръ женился Михайла, наказъ отца нарушилъ, взялъ жену изъ своей деревни. И женатый, а безъ сестры не начнетъ Михайла никакого дѣла, все съ сестрою.

Совѣтно жилъ братъ съ сестрою.

Въ лавочку Михайла пойдетъ.

— Прощай,—скажетъ,—сестрица!

Изъ лавочки придетъ.

— Здорова, сестрица!

А женѣ зѣрно, Варваръ завидно, ровно и не сестра ему Палагея.

Родила Варвара сына. Не отходитъ Палагея отъ Михайлова сына, все съ его ребенкомъ, ровно и мальчишка ея, не Варваринъ. А Михайлъ любо, все онъ съ сестрою.

Совѣтно жилъ братъ съ сестрою.

Въ лавочку Михайла пойдетъ.

— Прощай,—скажетъ,—сестрица!

Изъ лавочки придетъ.

— Здорова, сестрица!

Не по сердцу это Варваръ, стала ей постыла Палагея. Сестра да сестра! Только и есть на языкѣ, что сестра! Да сестра она ему или жена? Такъ и смотрить Варвара, такъ все и смотритъ, ровно ищетъ, подстерегаетъ брата съ сестрою. И ужъ не улыбнется, постарѣла Варвара. Ни слова тихаго, слова всѣ въ сердцахъ. Зѣрно, завидно, постыло Варваръ. Что же ей сдѣлать, какъ брата отъ сестры отводить? Какъ извести Палагею?

Взяла Варвара собаку его и убила,—вѣрный былъ песъ, дорожилъ имъ Михайла.

Пришелъ Михайла домой.

— Здорова, сестрица!

А жена на него:

— Да, здорова сестрица, поглядика-сь, чтобъ сестрица-то сдѣлала: гдѣ твой песъ? Нѣту собаки. Сестрица убила!

Досадно стало Михайлъ—вѣрный былъ песъ!—да, любя, стерпѣлъ Михайла досаду.

— Ну, въ первой винѣ Богъ простить!—сказалъ Михайла, и ни словомъ не попрекнулъ сестру.

На другой день только что вышел Михайла, взяла Варвара и убила его жеребца,—хорошій былъ конь, вѣрный, дорожилъ имъ Михайла.

Пришелъ Михайла домой.

— Здорова, сестрица!

А жена на него:

— Да, здорова сестрица, поглядика-сь, чтò сестрица-то сдѣлала: гдѣ твой жеребецъ? Нѣту коня. Сестрица убила!

Горько стало Михайлѣ—хорошій былъ конь, вѣрный!—да, любя, стерпѣлъ Михайла горечь.

— Ну, и въ другой винѣ Богъ простить!—сказалъ Михайла и ни словомъ не попрекнулъ сестру.

А сестра ничего не знаетъ, возится съ ребенкомъ, знаетъ Палагея, что бѣда въ домѣ: собаку кто-то убилъ, коня кто-то убилъ...

На третій день, какъ ушелъ со двора Михайла, Варвара къ зыбкѣ—и убила ребенка, да мертваго за дверь его, за дверью и положила.

Пришелъ Михайла домой.

— Здорова, сестрица!

А жена на него:

— Здорова! А гдѣ нашъ ребенокъ?

Михайла къ зыбкѣ:

— Гдѣ ребенокъ?

— Должно, у вашей сестрицы.

Недоброе почуялъ Михайла, да къ сестрѣ.

Сидитъ Палагея у окна, шьетъ, для мальчишки рубашенку шьетъ.

— Здравствуй, братецъ!

— Гдѣ сынъ-то?

Недоброе почуяла Палагея.

— У Варвары,—сказала Палагея,—давно взяла Варвара, тутъ его нѣть.

Михайла къ женѣ.

— Гдѣ ребенокъ?

А зыбка пустая, нѣть нигдѣ ребенка.

Сталъ Михайла искать. И Варвара ищетъ, рветъ все, все мечеть на землю,—тоже ищетъ.

А ребенокъ за дверью—лежитъ мертвый.

— Вотъ!.. вотъ твоя сестрица что сдѣлала!

Михайла къ сестрѣ. Не смотрить. И смотритъ, да ничего не видитъ.

— Убила ты собаку, убила ты коня, ты моего ребенка убила!—и раздѣлъ Михайла сестру до нага, скрутилъ, бросилъ на телѣгу, повезъ въ поле, а изъ поля въ лѣсъ и тамъ, въ лѣсу, пустилъ ее одну: иди, куда знаешь!

Иди, куда знаешь!

А куда? Куда ей итти? Влѣзла на сосну Палагея, сѣла на верхушку, сидитъ, какъ птица. Сердце у нея тяжелое, какъ камень тяжелый,—обида, напраслина, клевета камнемъ легла ей на сердце.

Ходили царскіе сыновья по лѣсу, охотились. Набрели царскіе сыновья на сосну, Палагею замѣтили.

Одинъ говоритъ:

— Птица!

Другой:

— Человѣкъ!

Третій:

— Чортъ!—и направилъ ружье выстрѣлить.

— Я не трону, я человѣкъ, я вась не трону!—кричитъ съ дерева Палагея: видитъ, ружья направили, стрѣлять хотятъ.

— Коли человѣкъ, такъ спускайся!—говорятъ ей братья.

А какъ ей спуститься?

— Одежды у меня нѣть!—кричитъ Палагея.

Братья посыдали съ себя верхнее платье, положили подъ сосну, а сами въ сторонку. Палагея и спустилась на землю, одѣлась. Тутъ братья къ ней вышли и взяли ее съ собой къ царю во дворецъ. И тамъ, во дворцѣ, скоронили, никому не показываютъ.

Старшій сынъ приходитъ къ отцу.

— Батюшка,—говорить,—я жениться буду.

— Что ты,—говорить царь,—до сихъ поръ у тебя и въ умѣ не было жениться, жениться вздумалъ! А гдѣ же,—говорить,—ты жену-то берешь?

— Она у меня изъ лѣсу,—говорить сынъ и выводить къ царю Палагею,—вотъ она, жена моя!

Посмотрѣлъ царь на Палагею,—полюбилась царю Палагея.

— Ну, Богъ васть благословитъ! — благословилъ царь жениха и невѣсту.

Сыграли свадьбу. И стала жить Палагея у царя въ царскомъ дворцѣ, не Михайлова сестра, а царская невѣстка.

2.

Поѣхалъ царскій сынъ по городамъ отъ царя съ наказомъ. И безъ него родила ему Палагея сына. И такой вышелъ царевичъ,—всѣмъ на диво: по колѣна ноги въ золотѣ, по локотокъ руки въ серебрѣ, позади свѣтель мѣсяцъ, посреди красно солнце, въ каждомъ волоскѣ по скатной жемчужинкѣ.

Обрадовался царь, что внукъ такой вышелъ, и сейчасъ же письмо написалъ, посылаетъ своего царского работника снести письмо въ дальний городъ къ сыну.

Снарядился работникъ въ дорогу, понесъ царское письмо въ дальний городъ. И къ ночи дошелъ до той самой деревни, откуда Палагея, и остановился въ самомъ богатомъ домѣ — у Михайлы.

Дозналась Варвара, что за письмо несетъ работникъ, все старое-то, прежнее все, постылое такъ ей въ голову и ударило, и въ голову, и въ сердце, и въ душу: вѣдь она ребенка своего убила, только чтобы брата отъ сестры отдать, разлучить Михайлу съ Палагеей, извести Палагею, а вотъ Палагея и не сгинула, Палагея вотъ какая — царица!

Вытопила Варвара баню, царского работника въ баню отправила, а сама вынула изъ котомки царское письмо, разорвала письмо и написала другое, будто не царевича сына, а щенка родила Палагея:

„Кутенка твоя жена родила, Палагея!“

И опять письмо положила въ котомку.

Вернулся изъ бани царскій работникъ, угостила его Варвара, ночевать оставила. Переночевалъ работникъ у Михайлы и на утро дальше въ дорогу пустился.

Долго ли, коротко ли, изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню дошелъ, наконецъ, работникъ до самаго даль-

няго города къ царскому сыну, передалъ царскому сыну отъ царя письмо:

„Кутенка твоя жена родила, Палагея!“

Потемнѣло въ глазахъ у царскаго сына—злая вѣсть потемнила глаза, хотѣль вгорячахъ порѣшить съ Палагеей, да раздумался, и написалъ отцу, чтобы до его возвращенія жену не трогать. И съ письмомъ отпустилъ домой царскаго работника.

А работникъ и на обратномъ пути къ Михайлѣ зашелъ.

И опять затонила Варвара баню, послала работника въ банию, а сама за котомку, вынула изъ котомки письмо царскаго сына, разорвала письмо, и свое написала:

„Духу чтобы ея не было до моего прихода!“

И положила письмо въ котомку.

Вернулся изъ бани царскій работникъ, угостился, переночевалъ ночь, да къ царю во дворецъ.

Прочиталъ царь письмо, не вѣрить глазамъ.

— Что это,—говорить,—съ ума, вѣрно, спятиль!

Да нечего дѣлать, тутъ ужъ не его воля—воля сына: велѣль царь прогнать изъ дворца Палагею откуда взяли, туда и отправить. А внука царевича царь себѣ оставилъ.

И отвезли Палагею въ лѣсъ къ той самой соснѣ, где покинулъ ее братъ любимый Михайла: иди, куда знаешь!

Иди, куда знаешь!

А куда? Куда ей итти? Съ братомъ ее разлучили, съ мужемъ ее разлучили, и отняли сына. Чѣмъ же ей дѣлать? Куда ей дѣваться? Какъ избыть обиду? Стоитъ подъ сосной Палагея, стоитъ, какъ стала. А сердце у ней тяжелое, какъ камень тяжелый,—обида, напраслина, клевета камнемъ легла ей на сердце.

А пойдетъ она далеко въ дальнія деревни, будетъ она жить тамъ у чужихъ чужая, наймется въ люди. Работницей простой свой вѣкъ проживеть. Трудомъ она избудеть обиду.

И пошла Палагея куда глаза глядятъ дальше отъ брата, еще дальше отъ мужа и сына.

Долго ли, коротко ли, изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, объѣхалъ царскій сынъ все царство, всѣ дѣла царскія исполнилъ и вернулся домой къ отцу.

Вышелъ царь встрѣтить сына и внука вывелъ. А ребеночекъ такъ и сіяеть...

— Какъ такъ!—удивился царскій сынъ,—мнѣ было письмо отъ васъ, что жена родила кутенка.

А царь ему выговариваетъ: зачѣмъ велѣль жену кончить—прогнать Палагею.

— Я... я велѣлъ кончить!—и заплакалъ, видитъ царскій сынъ, что обманутъ: и его, и царя обманули.

Послалъ царь въ лѣсъ искать Палагею. Да гдѣ-жъ ее сыщешь, — не на соснѣ же ей свой горькій вѣкъ вѣковатъ.

3.

Три года прослужила Палагея въ работницахъ, много за три-то года по чужимъ людямъ ходила, много труда вынесла. И улеглась на сердцѣ обида: приняла она свою участъ, и не роптала больше. Одно забыть не могла: сына своего вспоминала. Ребеночка жалко ей было, поглядѣть бы ей на него, хоть только глазкомъ взглянуть.

И затосковала Палагея, мѣста отъ тоски не находить. Тоскливо ей, глаза ни на что не глядять: только бы увидѣть сына, хоть только глазкомъ взглянуть.

Нарядилась Палагея въ мужскую одежду и пошла изъ дальнихъ деревень мимо любимаго брата прямо къ царю во дворецъ въ царскіе работники наниматься.

Во дворцѣ никто не узналъ Палагею. Самъ царь не узналъ свою невѣстку. Принялъ царь Палагею ласково, и стала служить она у царя истопникомъ въ царскихъ покояхъ: печки топила.

Палагея этого только и надо.

Подросъ ея сынъ, ужъ по комнатамъ бѣгалъ. Примется Палагея печки топить, а онъ тутъ-какъ-тутъ, прибѣжитъ къ огоньку. А Палагея возьметъ его на руки, ласкаетъ дитѣ, сама плачетъ.

Замѣтилъ царь, разъ и спрашиваетъ:

— Что это ты, паренекъ, какъ возьмешь внушенка на руки, и всегда-то плачешь?

Палагея царю во всемъ и открылась. И о братѣ своемъ о любимомъ о Михайлѣ разсказала, и о невѣсткѣ своей Варварѣ, какъ оклеветала ее Варвара.

— Вотъ грѣхъ то, надо это дѣло хорошенъко развѣдать!

Велѣлъ царь Палагеѣ помалкивать, а самъ призвалъ къ себѣ того работника царскаго, что письмо носилъ отъ царя къ царскому сыну, и сталъ у работника вынытьвать, у кого онъ въ пути на noctlegъ приставалъ и съ кѣмъ водилъ знакомство.

А какъ рассказалъ ему царскій работникъ о Варварѣ, тутъ у царя глаза и открылись. Отпустилъ царь работника, и задумалъ вывести дѣло на чистую воду: всенародно оправдать Палагею.

Слухъ о злой царской невѣсткѣ прошелъ по всѣмъ городамъ—и ближнимъ и дальнимъ, по всѣмъ деревнямъ и ближнимъ и дальнимъ,—по всему царству.

Собралъ царь большой пиръ. Много сошлось народа къ царю во дворецъ. Послалъ царь и за Михайломъ, и за Варварой. Пришелъ Михайла съ Варварой, тоже сѣли за царскій столъ.

А когда гости пили и ёли, призвалъ царь своего царскаго истопника, и велѣлъ истопнику для потѣхи сказку сказывать о злой царской невѣсткѣ, да уговоръ положилъ: кто перебьеть либо поддакнеть, сто рублей съ того за помѣху.

И стала Палагея рассказывать, какъ жилн-были братъ да сестра, какъ братъ женился и не взлюбила невѣстка сестру.

— Стало невѣсткѣ зѣрно, что братъ и сестра живутъ совѣтно.

— Да,—дакнула Михайлова жена, Варвара.

И сейчасъ же съ Варвары сто рублей за помѣху.

И опять стала Палагея рассказывать, какъ невѣстка убила у мужа собаку и на сестру сказала. Простила братъ сестру. А па другой день убила невѣстка у мужа коня и па сестру сказала. Простила братъ сестру. А на третій день убила невѣстка своего ребенка и на сестру сказала. Не простила братъ сестру, раздѣль ее до-нага, вывелъ въ поле, а изъ поля въ лѣсъ.

— Иди, куда знаешь!

— Да, такъ и было!—поддакнула Михайлова жена, Варвара.

И сейчас же съ Варвары сто рублей за помѣху.

И опять стала Палагея рассказывать, какъ встрѣтили сестру охотники, какъ застрѣлить хотѣли, и потомъ какъ старшій женился на ней, и какъ уѣхалъ мужъ по дѣламъ въ дальний городъ, и безъ него родила жена ему сына. Послалъ свекоръ работника съ письмомъ къ сыну извѣстить о внукѣ, остановился работникъ по дорогѣ у той самой невѣстки, а невѣстка подмѣнила письмо, и на обратномъ пути остановился работникъ у невѣстки, и невѣстка опять подмѣнила письмо...

— Да, такъ оно и было!—поддакнула Михайлова жена, Варвара.

Встаетъ Михайла, лица нѣтъ, онъ сестру узналъ Палагею. Поднялся царскій сынъ, вспыхнулъ, узналъ жену Палагею.

Остановила Палагея брата, остановила Палагея мужа, подошла Палагея къ Варварѣ, и хоть нѣтъ у ней доброго слова, но и обиды ужъ нѣтъ.

— Варвара!..—говорить Палагея.

А Варвара—все старое то, прежнее все такъ ей въ голову и ударило, и въ голову, и въ сердце, и въ душу,—сидитъ Варвара, крѣпко стиснула руки, не шевельнется.

Тутъ взяли Варвару, да на ворота, да на воротахъ и застрѣлили.

И стали жить и быть, добра наживать.

ОТЧАЯННАЯ.

1.

Хороша была Маша, краше на селѣ ея не было. Сватались къ ней женихи, да отецъ не давалъ: была она одна у него,—жалѣль.

Поѣхалъ отецъ въ городъ на Святкахъ, Машу одну оставилъ въ домѣ. И задумала Маша въ Крещенскій сочельникъ кудесить—о своемъ суженомъ гадать.

Въ ночь на Крещенье накрыла она столъ скатертью, на уголокъ поставила тарелку и ложку и на другой тарелку съ ложкой, положила себѣ кусочекъ и кусочекъ въ другую тарелку—чествовать суженаго. Не благословись, вышла въ сѣни, не благословясь, заперла двери, да назадъ, присѣла къ столу, подумала—вотъ сейчасъ ей судьба и скажется!—Подумала, стала.

— Суженый ряженый, суженый мой, поди ужинать со мной!

И опять присѣла на уголокъ, закрыла глаза.

Сидить Маша, не шелохнется, и думать не думаетъ, прислушивается—вотъ сейчасъ ей судьба и скажется!—Ждетъ. Отяжелѣли вѣки—свинцомъ налиты, а въ ушахъ, какъ звонъ—когда мать хоронили былъ такой звонъ—и ужъ вѣкъ не разомкнуть ей, и душа ея рвется въ какой-то тоскѣ, и тоска, какъ этаотъ звонъ.

Застучало въ сѣняхъ—стучать сапоги. Слышитъ она, идетъ—сюда идетъ.

И вошелъ, крякнулъ, вотъ прошелъ на середку: кушакъ на немъ алый шелковый,—отвязалъ онъ кушакъ, да въ передній уголъ—повѣсила на спицу, шапку снялъ и туда же тянется рукой къ спицѣ.

Маша и перекрестилась.

На столѣ два прибора, двѣ тарелки, какъ стояли, не тронуты, и нѣть никого, только алый кушакъ на спицѣ.

Сняла Маша со спицы кушакъ, развернула, примѣрила— алый шелковый, и себѣ въ сундукъ.

2.

Послѣ Крещенья вернулся отецъ. Стали по-прежнему женихи набѣжать въ домъ, по-прежнему сватали Машу.

А ей никакъ не забыть: кто-то на зовъ ея въ крещенскую ночь приходилъ—суженый ея приходилъ къ ней, и у кого-то въ ту ночь алый кушакъ потерялся. Помалкиваетъ Маша, не выдаеть: знай, она, что любой онъ ей, ея суженый, она бы подругамъ сказала, отцу бы сказала, а она не знаетъ, и какъ узнать?

Задумалась Маша, ходить сама не своя.

„Чей это алый кушакъ? И любой онъ ей ея суженый или постылый?“

Задумалась Маша.

Ужъ не неволить отецъ: иди за любого. Унерлась, слышать не хочетъ.

Ночью заснетъ отецъ. Маша не спить—нѣть ей мѣста отъ думъ, нѣть покоя!—прислушивается, а въ ушахъ, какъ звонъ,—когда мать хоронили, былъ такой звонъ,—и душа ея рвется въ какой-то тоскѣ, и тоска какъ этотъ звонъ.

Ночью поднялась Маша—нѣть ей покоя!—п къ сундуку, вынула алый кушакъ, обмотала себѣ вокругъ шеи алый кушакъ, да въ передній уголъ, тамъ, гдѣ спица торчитъ— такъ и рѣшила.

Хороша была Маша, краине на селѣ ея не было.

ПОПЕРЕЧНАЯ.

1.

Былъ одинъ холостой парень и задумалъ жениться. А сватали на селѣ дѣвицу, онъ на ней и женился. И тиха и смирна, глазъ на мужа не подыметъ, будто ее и въ домѣ нѣть, вотъ какая попалась жена Сергѣю.

Пришло время обѣдать, зоветь Сергѣй къ столу Настасью, а Настасья и голосу не подастъ.

„Ишь,—подумалъ,—стыдливая какая!“—и самъ ужъ вывелъ ее, усадилъ за столъ.

На обѣдь была каши. Ёсть Сергѣй, да похваливается, а Настасья и ложки въ руку не возьметъ, сидитъ, какъ сѣла.

„Ишь,—подумалъ Сергѣй,—молода-то какъ!“—да самъ ей и ложку въ руку даль, потчуетъ.

Ложку взять Настасья взяла, и опять на столь положила, отвязала отъ креста уховѣртку, да уховѣрткой и ну хлебать кашу по крулинкѣ.

То же самое случилось и на другой день, не ёсть полюдски Настасья да и только.

„И чѣмъ эта она наѣдается,—думалъ себѣ Сергѣй,—безъ пищи человѣку невозможно; вѣдь, такъ и съ голоду помереть можетъ!“—и еще больше принялся жену уговаривать бросить уховѣртку и ёсть сытно.

А Настасья ровно и не слышитъ, знай свое, уховѣрткой своей управляетъся.

„Върно, ночью тайкомъ наѣдается, когда люди спать, эка, еще неразумная!“—и положилъ Сергѣй караулить жену ночью: быть того не можетъ, чтобы человѣкъ не ъѣлъ ничего!

Легъ Сергѣй спать, легла и Настасья. Притворился Сергѣй, будто спить, захрапѣлъ, а самъ все примѣчаетъ.

Въ самую полночь поднялась Настасья, слѣзла тихонько съ кровати да изъ комнаты къ двери. Выждалъ Сергѣй, пока за дверь выйдетъ, да за ней слѣдомъ. А Настасья ужъ во дворъ, да за ворота, да на улицу. Сергѣй за ней слѣдомъ.

Шла Настасья, шла, повернула на кладбище, и тамъ прямо къ свѣжей могилѣ.

Сергѣй за крестъ, склонился, ждетъ, что-то будетъ. И видитъ, еще идетъ, такъ мужикъ бородатый, прошмыгнуль среди крестовъ и тоже къ могилѣ.

И ужъ вдвоемъ съ Настасьей принялись они за могилу.

Разрыли они могилу, гробъ вытащили, вынули изъ гроба покойника, раздѣли, и ну его ъѣсть. И всего-то до чиста, до косточекъ обѣѣли, и, когда и самой малой жилки не осталось, гробъ, саванъ и кости снова зарыли въ могилу и разошлись: Настасья въ одну сторону, бородатый въ другую.

Тутъ Сергѣй изъ-за креста вышелъ да скорѣе домой. Задами обогналъ жену да въ домъ, да на кровать и опять притворился, будто спить, захрапѣлъ. Вернулась и Настасья, легла тихонько, и сладко и крѣпко заснула.

А Сергѣй—какой ужъ сонъ!—Сергѣй едва утра дождался.

Пришло время обѣдать, зоветъ Сергѣй къ столу Настасью. Сѣли за столь. На обѣдь была каша. Настасья опять за свою уховѣртку, отвязала отъ креста уховѣртку, и ну хлебать по крупинкѣ.

Сергѣй ей ложку. Взяла она ложку, повертьла, повертьла, положила на столь, и уховѣртку свою спрятала, такъ сидитъ. Сергѣй и не выдержалъ:

— Что-жъ ты,—говорить,—не ъѣшь? Или мертвѣцъ тебѣ слаже?

А ужъ Настасья звѣрь звѣремъ,—и! куда все дѣвались!—схватила Настасью со стола чашку, да въ лицо ему какъ плеснеть.

— Ну,—говорить,—коли узналъ мою тайность, такъ будь же псомъ!

Тявкнуль Сергѣй по-песы, и сталъ псомъ-дворнягой.

Настасья за палку, да его палкой за дверь, и прогнала изъ дома вонъ.

2.

Выскочилъ Сергѣй псомъ-дворнягой и побѣжалъ. Бѣжитъ, куда глаза глядятъ, полаетъ, полаетъ и опять бѣжать. Къ вечеру прибѣжалъ онъ въ городъ, въ мясную лавку и вскочилъ: проголодался больно.

Попался мясникъ добрый, накормилъ пса, а песъ и не уходитъ, визжитъ, остаться просится. Сжалился мясникъ, оставилъ.

Переночевалъ песъ ночь и за ночь ничего въ лавкѣ не сдѣлалъ.

„Экій песъ-то умница!“—подумалъ мясникъ и рѣшилъ не гнать пса, при лавкѣ держать, лавку караулить.

Приходитъ на утро въ мясную булочникъ за говядиной, выбираетъ себѣ чего попригляднѣй, а песъ такъ и ластится. Приласкалъ его булочникъ, бросилъ хлѣба кусокъ, подхватилъ песъ хлѣбъ, сѣѣлъ да отъ мясника за булочникомъ и утекъ въ пекарню.

И сталъ песъ у булочника жить, лавку стеречь.

Приходитъ разъ въ пекарню за хлѣбомъ старуха. Накупила старуха всякихъ булокъ, отдаетъ деньги. Сталъ булочникъ считать, и попался одинъ какой-то гривеникъ негодящій, фальшивый, булочникъ и не беретъ. Старуха въ споръ: деньги правильныя.

И видить булочникъ, не переспорить ему старуху, и говоритъ:

— Да у меня,—говорить,—песъ и тотъ узнастъ, что твой гривеникъ негодящій!—и сейчасъ же пса покликалъ, разложилъ деньги на столъ кучкой, показываетъ псу, выбирай, моль, негодящую.

Посмотрѣлъ песъ на деньги, понюхалъ, да и выпихнулъ лапкой этотъ самый гравеникъ.

„Ну и песъ,—подумала старуха,—ой, что-то тутъ не-ладно!“

— Коли песъ, такъ и оставайся тутъ,—шепнула старуха,— а коли человѣкъ, за мной поди! — диковиннымъ показалось старухѣ, что песъ, а узнаѣтъ деньги.

И убѣжалъ песъ за старухой изъ пекарни.

Пришла старуха домой, да къ своей дочкѣ:

— Привела,—говорить,—я пса, да ужъ и не знаю, вѣрпо-ли. нѣть, что песъ: узнаѣтъ деньги!

Посмотрѣла старухина дочка, посмотрѣла на пса, взяла воды наговорной, псу въ глаза и плеснула.

— Коли,—говорить,—ты песъ, такъ и оставайся псомъ, а коли человѣкъ, обернись человѣкомъ!

Тявкнулъ песъ, и сталъ опять Сергѣй Сергѣемъ.

Рассказалъ Сергѣй о женѣ, о Настасьѣ, и какъ ночью на кладбищѣ Настасья покойника ъла и съ ней бородатый. и какъ псомъ его обернула.

— Знаю Настасью,—сказала старухина дочка,—она у тебя колдунья, вмѣстѣ мы съ ней колдовству учились у одной старухи. Поперечная была Настасья, все наперекоръ. все по своему, все напротивъ, не слушалась старуху, ей старуха и положила наказанье: ходить ей ночами на кладбище питаться мертвечиной. А хочешь жену поучить, дамъ я тебѣ наговорный составъ, вернешься домой, плесни ей въ лицо, увидишь, что будетъ.

Поблагодарилъ Сергѣй старухину дочку, забралъ наговорную воду-составъ и пошелъ себѣ домой человѣкъ человѣкомъ.

3.

Шелъ Сергѣй по дорогѣ,—тутъ по дорогѣ когда-то бѣжалъ онъ псомъ, лаялъ,—долго шелъ Сергѣй по дорогѣ, а пришелъ домой, нѣть дома Настасьи. Сѣль Сергѣй на крыльцо, стала поджидать. И когда Настасья вернулась, онъ ей, ни мало не медля, наговорнымъ составомъ въ лицо и плеснуль.

Заржала Настасья и обернулась въ кобылу.

Тутъ Сергѣй запрягъ кобылу въ сани да въ лѣсь, да въ лѣсу цѣлый возъ дровъ навалилъ, да и обратно, домой ъхать, и всю-то дорогу до самаго дому стѣгомъ стегалъ кобылу. И не разъ, съ недѣлю такъ ъздили Сергѣй въ лѣсъ за дровами и все стегалъ, всю изстегалъ кобылу.

А она,—что со скотины возьмешь!—она только смотрить, сказать ничего не можетъ,—скотина не скажетъ, только плачетъ.

И жалко стало Сергѣю, бросилъ онъ бить кобылу, пошелъ въ городъ къ той самой старухѣ просить у старухиной дочки наговорнаго составу обернуть кобылу въ человѣка. Старухина дочка дала наговорной воды, и вернулся Сергѣй домой не съ пустыми руками.

А она—извѣстно, скотина!—она только смотрить, сказать ничего не можетъ,—скотина не скажетъ, только плачетъ.

И облилъ Сергѣй кобылу наговорнымъ составомъ, и стала опять Настасья Настасьей. И ужъ съ той поры забыла всякую мертвчину, кроткая, все ъла, какъ люди.

И стали они жить по хорошему, хорошо и согласно.

ЛИХАЯ.

Была у одного человѣка жена да такая, что ие дай Богъ, напалъ на такую: все, бывало, ему на зло дѣлаеть. Ну и не можетъ извести ее, а ужъ вотъ куда стало, хоть руки на себя накладывай.

Ходилъ, ходилъ онъ день въ лѣсу, и надумалъ средство одно.

Вечеромъ приходитъ домой, сѣлъ, вьетъ веревку.

— Куда ты, Семенъ, веревку вьешь? — говоритъ жена.

— Эка ты, да я кладъ нашелъ.

— Большой кладъ?

— Большущій.

На утро отыскаль Семенъ кошелку, уходить хочетъ.

— Возьми меня, — просить жена.

— Нѣть ужъ, куда съ тобой.

— Нѣть, пойду!

— Ну, ступай ужъ, пойдемъ.

Положилъ Семенъ веревку въ кошелку, кошелку за плечо, и пошли. И приходятъ они до той самой ямы, гдѣ кладъ. Вынулъ Семенъ веревку, вяжетъ кругъ себя.

— Куда ты, Семенъ, веревку вяжешь?

— Да за деньгами-то надо спуститься.

— Куда тебѣ, я сама полѣгу.

Семенъ веревку съ себя снялъ, и давай крутить жену, окрутилъ жену, спустилъ ее въ яму.

А какъ спустилась она въ яму, слышитъ Семенъ: драка — такой пискъ пошелъ, такой верескъ поднялся и веревку

трясеть, избави Господи! Часика два тамъ она воевала, Семень и потянулъ веревку. Тянетъ, потянетъ, а изъ ямы-то не жена, а словно бы чортъ съ рогами. Испугался Семень, скорѣе назадъ опускать веревку.

— Не спускай, сдѣлай милость,—просить чортъ,—что хочешь тебѣ сдѣлаю, на вѣкъ свой не забуду дружбу, избавь ты меня отъ лихой бабы. Тысячу лѣть я жилъ въ ямѣ тихо-смирно, не спускай, сдѣлай милость!—чортъ инда заплакалъ.

Семень чорта вытащилъ.

— Иди за мной!—сказалъ чортъ съ рогами.

Пошелъ Семень за чортомъ: и страху-то натерпѣлся, только виду не показываетъ, и легко-то ему, что посадилъ-таки жену въ яму,—поори тамъ, кому въ лѣсу нужно!

И приходятъ они къ богатому пребогатому дому.

— Слушай,—сталъ чортъ,—я пойду въ домъ, заберусь на вышку, буду ночь ломотить —не дамъ покою, а ты колдуномъ найдись и проси денегъ много, иди на вышку, тамъ скажи тихо: Я пришелъ, ты вонъ пошелъ! Понимаешь?

— Понимаю.

Какъ сказалъ чортъ, такъ все и вышло.

Помѣшкалъ Семень у дома, потомъ постучался, его и пустили. А въ домъ ужъ такой шумъ, хоть образа выноси. Назвался Семень колдуномъ, полѣзъ на вышку.

— Я пришелъ, ты вонъ пошелъ!—сказалъ Семень тихонько.

И усмирилось все, тихо стало, никакого шуму. Отвалили Семену денегъ кучу, забралъ Семень деньги, распростился и пошелъ себѣ, посвистываетъ. А у воротъ чортъ его поджидаетъ.

— Иди за мной!—сказалъ чортъ съ рогами.

И приходятъ они къ дому богаче того дома.

— Я,—говорить чортъ,—пойду въ домъ и все тамъ сдѣлаю—нашумлю, а ты опять колдуномъ найдись, понимаешь?

— Понимаю.

Какъ сказалъ чортъ, такъ все и вышло.

Зашумѣлъ чортъ, загремѣлъ, да такъ, того и гляди домъ разворотить. Семень—въ домъ, опять колдуномъ назвался. Посулили ему много денегъ. Влѣзъ онъ на вышку.

— Я пришелъ, ты вонъ пошелъ! — сказалъ Семенъ тихонько.

И успокоилось въ домѣ. Тутъ загребъ Семенъ деньги, да ужъ и не одну, а цѣлыхъ двѣ кучи, распростился и пошелъ себѣ, посвистываетъ. А у воротъ чортъ.

— Иди домой, — сказалъ чортъ, — наградили тебя, дурака, и чтобъ за мною больше ни-ни! — а самъ злой, съ рогами, пальцемъ грозить, хвостъ сталъ дыбомъ волосатый.

Послушался чорта Семенъ, пошелъ домой. И стала Семенъ жить себѣ да поживи: денегъ куры не клюютъ, съть, нянѣнъ, нось въ табакъ. И задумалъ Семенъ жениться.

Вотъ сидитъ разъ Семенъ, есть соты-мёды, пивомъ прихлебываетъ, о молодой же женѣ думываетъ, какъ съ молодою женой жить будетъ. Хватитъ пиво. Отворяеть Семенъ дверь, — а время ужъ къ ночи — какіе-то люди, кланяются.

— Насилу, — говорятъ, — мы тебя отыскали, Семенъ Ивановичъ, ну хоть что, — що бери, а избавь ты насть отъ бѣды: третью ночь поюте имѣемъ, чортъ засѣлъ въ домѣ.

Семенъ и руки, и ногами.

— Спаси, — говорятъ, — на вѣкъ нашъ не забудемъ дружбу, сдѣлай милость! — да въ ноги Семену, плачутъ.

Ну Семенъ и пошелъ. И приходитъ онъ въ домъ, тдѣ засѣлъ чортъ, и сейчасъ же на вышку, да только это ротъ разинулъ, чортъ цапъ его за горло.

— Ты, — говоритъ, — зачѣмъ?

А Семенъ едва ужъ дышетъ, такъ чортъ ему горло стиснулъ.

— Смотри, — говоритъ Семенъ чорту, — девять бабъ пришло такихъ... которая одна тебя изъ ямы выгнала... а такихъ девять пришло.

Туть на что хвостъ у чорта крѣпокъ, да и тотъ задрожалъ, какъ листикъ.

Выпустилъ чортъ Семена.

— Уйду, — говоритъ, — живите, какъ знаете, съ глазъ долой за тысячу верстъ уйду, только не допусти ты до меня этихъ лихихъ! — пятился чортъ, пятился къ балкамъ, да подъ стрѣху.

И съ той поры ни слуху, ни духу, ровно бы сквозь землю провалился.

БРАТНИ

1.

Хорошъ былъ молодецъ Катеринъ братъ, всѣ девицы на него заглядывались. Задумалъ онъ жениться, но сколько ни смотрѣлъ невѣсть, лучше и краеши сестры нигдѣ не нашелъ.

— Пойди за меня замужъ!—говорилъ онъ сестрѣ Катеринѣ.

— Пойду,—говорить Катерина: ей никто такъ не милъ, ей никто такъ не любъ, какъ родной братъ.

Ну, и порѣшили жениться. Оставалось только свадьбу сыграть.

А ходила по деревнѣ бабушка-задворенка, старуха старая. Провѣдала старуха про брата съ сестрой и приходитъ въ ихъ домъ.

Подъ вѣнецъ наряжена сидитъ Катерина. Бабушка къ Катеринѣ.

— Разоставь ты,—говорить, —дѣвушка, по всѣмъ четыремъ угламъ по веретёшку.

Катерина послушала, поставила по четыремъ угламъ веретена, сама къ вѣнцу итти хочетъ.

— Ку-ку!—прошипѣло веретено первое.

— Гдѣ ты?—второе окликнуло.

— Братъ на сестрѣ женится!—сказало третье.

— Просѣла!—отозвалось глухое четвертое.

Катерина къ бабушкѣ. А старуха и говорить:

— Четыре ночи поспать тебѣ велять, а тогда и замужъ пойдешь.

Катерина послушала; четыре ночи одна она будетъ ждать, а потомъ и свадьба.

И наступила первая ночь, и слышить Катерина, какъ сквозь сонъ гдѣ-то далеко кличетъ:

— Ку-ку!—кто-то кличетъ.

На вторую ночь, только-что заснула она, и опять слышить, окликаетъ:

— Гдѣ ты?—окликаетъ кто-то.

На третью ночь въ глубокомъ снѣ, будто на ухо, сказа-
лъ кто-то:

— Брать на сестрѣ женится!—сказалъ кто-то.

А на четвертую ночь, не успѣла она глазъ закрыть,
кто-то какъ крикнетъ:

— Простѣла!—крикнулъ кто-то.

И провалилась Катерина сквозь землю.

2.

Страшно было Катеринѣ въ потемкахъ, темъ тамъ осен-
ияя. Потомъ стало свѣтать, совсѣмъ посвѣтлѣло. Шла Ка-
терина лѣсомъ по сырому бору, долго шла безъ дороги.
И видитъ Катерина, стоять въ лѣсу избушка, не простая:
на турихъ ножкахъ, на веретенной пяткѣ. Вопила Кате-
рина въ избушку. А въ избушкѣ три горница. Первая гор-
ница—скакухи да жагалюхи, лягушки да ящерицы, вторая гор-
ница—ползаетъ-бродить слизень: одна голова о семи
горлахъ, третья горница—сидить дѣвушка, вышиваетъ въ
пяльцахъ.

Увидала дѣвушка Катерину.

Что ты!— говорить,— куда зашла?—и рассказала Кате-
ринѣ о избушкѣ: избушка Бабы-Яги, а вернется Баба-Яга,
худу быть.

Рассказала Катерина, какъ провалилась сквозь землю,
какъ попала она въ избушку.

— Какъ бы такъ отъ Яги склониться!— просить Ка-
терина.

А какъ склониться? Жалко стало Алёнѣ Катерину. Положила Алёна пяльцы, иорылась въ сундучкѣ у Бабы-Яги, достала тоненьку хворостинку, пощекотала Катерину подъ лаляки-горлышко, и обернула Катерину въ иголку, а иголку заколола себѣ въ воротъ и сѣла опять вышивать въ пяльцахъ.

А Баба-Яга ужъ ёдетъ, помеломъ машетъ.

— Фу-фу-фу! Русскимъ духомъ пахнетъ! Пообѣдала я на свадьбѣ, поужинаю дома!

А въ избушкѣ нѣть никого, все свои, не замѣтна Бабѣ-Ягѣ Катерина.

Пошарила Баба-Яга за печкой, заглянула подъ лавку—нѣть никого! — и завалилась спать. И спала Баба-Яга по ягиному безпросыпу до бѣлой зари. Бѣлой зарей поднялась Баба-Яга, разбудила Алёну, подняла всѣхъ скакухъ, всѣхъ жагалюхъ, сѣла на ступу да въ путь на вѣдьмину свадьбу.

Скрылась Баба-Яга, простыль ея слѣдъ. Достала Алёна изъ сундучка ягиную хворостинку, вынула изъ ворота иголку, поводила хворостинкой по иголкѣ, и стала изъ иголки Катерина.

Просить Катерина вывести ее на дорогу: вернется Баба-Яга, худу быть.

А Алёна и сама рада.

— Три года живу я у Яги въ избушкѣ, — говорила Алёна, — насмотрѣлась я у Яги чудесъ всякихъ. Только уйти не могла, одной трудно, одной не уйти.

Трудно уйти отъ Бабы-Яги. Какъ тутъ уйдешь? Замѣтить слизень, сынъ Бабы-Яги, семигорлый, и такой крикъ подыметъ, подъ землей услышитъ Баба-Яга его голосъ. Какъ тутъ уйдешь?

Намѣсила Алёна сухомѣсу, замазала всѣ горла слизню, достала изъ сундучка волшебную щетку, кремень, огниво, взяла за руку Катерину.

— Пойдемъ, сестрица!

И пошли. Побѣжали сестры лѣсомъ по сырому бору, не оглянулись.

А слизень лизаль да лизаль себѣ горла, да одно горло и пролизаль.

— Ой, маманя,—кричить семигорлый,—дѣвки ушли!

Баба-Яга свахой сидѣла на вѣдьминой свадьбѣ, Баба-Яга признала голосъ, насторожилась.

А слизень пролизалъ себѣ и второе горло.

— Ой, маманя,—кричить семигорлый,—дѣвки ушли!

И опять Баба-Яга слышитъ, будто сынъ кличетъ, только неясно, въ шуму невнятно.

А слизень пролизалъ себѣ послѣднее седьмое горло да какъ крикнетъ:

— Ой, маманя, дѣвки ушли!

Баба-Яга на ступу, Баба-Яга домой.

Пріѣхала Баба-Яга въ избушку, вошла въ свои горница: цѣллы скакухи, цѣллы жагалюхи, цѣлъ слизень семигорлый, стоять пяльцы, а Алёны нѣтъ-какъ-нѣтъ, — да опять въ ступу, взмахнула помеломъ да въ погоню.

Бѣжали сестры. Бѣгутъ сестры лѣсомъ, все лѣсомъ, не передохнуть, не присяднуть. Бѣжалы, бѣжали, огляднулись, а Баба-Яга тутъ и есть.

— А-а! Проклятныя, попали мнѣ теперь.

Тутъ бросили сестры волшебную щетку и — стала чаща.

Запуталась Баба-Яга въ чащѣ. И долго Баба-Яга пробиралась сквозь чащу, насилиу-то выбралась и вѣтромъ пустилась въ погоню. И нагнала сестеръ.

— А-а! Проклятныя, попали мнѣ теперь!

Тутъ бросили сестры волшебный кремень — стала гора.

Крута гора, высока передъ Бабой-Ягой. Ужъ карабкалась Баба-Яга, карабкалась, насилиу-то взобралась на гору и вихремъ помчалась въ погоню. И нагнала сестеръ.

— А-а! Проклятныя, попали мнѣ теперь!

Тутъ бросили сестры волшебное огниво — и закинула пламень-рѣка.

Кинуть рѣка. Съ одного конца зайдеть Баба-Яга — пышетъ огонь, съ другого конца, зайдеть — пышетъ огонь. И повернула Баба-Яга домой въ избушку.

Бѣжали сестры. Бѣгутъ сестры лѣсомъ, все лѣсомъ, не передохнуть, не присяднуть. Бѣжали, бѣжали и добѣжали

до той дыры самой, въ которую Катерина провалилась. И вышли сестры на свѣтъ бѣлый.

3.

Вышли сестры на свѣтъ бѣлый. Опять на землѣ, опять онѣ на дорогѣ.

Призналась Алёна Катеринѣ, вѣдь, и она полюбила своего брата, и провалилась сквозь землю и попала къ Бабѣ-Ягѣ.

— Пойдемъ ко мнѣ,—зоветъ Катерина,—ты выйдешь за моего брата.

— А ты поди за моего, сестрица.

И онѣ пошли по дорогѣ, Алёна да Катерина, сестры.

Алёна выпла за Катеринина брата, Катерина вышла за Алёнина брата. И стали всѣ вмѣстѣ жить, добра наживать.

ПОДРУЖКИ.

1.

Жили-были двѣ подруги, одна другой подъ стать, Анююшка и Варушка. Анююшка у матери жила, Варушка одна черезъ три версты отъ Аниюшки: родители у Варушки померли.

Дня другъ безъ друга прожить не могли подруги: одинъ день Варушка у Аниюшки сидитъ, угощаются, на другой день Аниюшка къ Варушкѣ пойдетъ, подругу почествовать. Такъ и гостились.

— Безъ тебя мнѣ, Аниюшка, свѣтъ не миль.

— Отъ тебя, Варушка, никуда не пойду.

Станутъ подруги прощаться, стоять-стоять, на силу разойдутся. А на завтра опять сошлись: либо Аниюшка къ Варушкѣ, либо Варушка къ Аниюшкѣ. Такъ и жили.

— Безъ тебя, Аниюшка, я жизни рѣшусь.

— Отъ тебя, Варушка, никуда не пойду.

Стали сватать Аниюшку. Уперлася—въ жизнь ни за кого не выйдетъ Аниюшка, да мать настояла, старуха. И выдали замужъ Аниюшку за Андрея. Похорохорилась, пофыркала дѣвка, а потомъ и свыклась: попался ей мужъ хороший, ладный.

2.

Уѣхалъ Андрей въ городъ. Осталась одна Аниюшка. И задумала Аниюшка подругу провѣдать: со свадьбы не видалась съ Варушкой, соскучилась безъ подруги.

Вышла Анююшка изъ дому, идетъ по дорогѣ, а встрѣчу ей дѣвка съ пирогомъ-именина ми.

— Куда пошла, Аниюшка?

— Въ гости къ Варушкѣ.

— Не ходи ты къ Варушкѣ, не будетъ ладу.

— Ну, вотъ еще, не впервой гостимся.

И пошла Аниюшка дальше, а встрѣчу ей баба съ полосканьемъ: на рѣчкѣ бѣлье полоскала, домой несетъ.

— Куда ты, Аниюшка?

— Въ гости къ Варушкѣ.

— А не ходить бы тебѣ къ Варушкѣ, будетъ худо.

— Что ты! Мнѣ ли отъ нея худо!

И пошла Аниюшка дальше. Щедъ мужикъ съ сѣномъ.

— Куда ты, Аниюшка?

Въ гости къ Варушкѣ.

— Не ходи ты къ Варушкѣ, Варушка людей ёсть.

— Еще чего скажешь!

И пошла Аниюшка дальше, дошла до Варушки. И видитъ Аниюшка, у крыльца отъѣденная ножка лежитъ ребячья,—глазамъ не вѣрить Аниюшка. Вошла на крыльцо, а тутъ рука лежитъ,—не хочетъ вѣрить Аниюшка. Въ сѣни зашла, а въ сѣняхъ туловы да головы человѣчи. Хочешь, не хочешь—повѣришь.

— Иди, иди въ избу!—отворила дверь, кричить ей Варушка,—не ходи, не ходи!—машетъ руками.

И зоветъ и не зоветъ подругу.

Не въ толкѣ, не въ умѣ вошла Аниюшка въ избу.

Сидить Варушка подъ окномъ,—когда-то тутъ сиживали вмѣстѣ подруги.

— Садись и ты, Аниюшка!—а сама такъ смотритъ... неладно.

И, какъ прежде, сидѣли подъ окномъ подруги. Сколько вечеровъ тутъ прошло подъ окошкомъ, ягоды ёли, попѣвали пѣсни! Теперь молча сидѣли.

— Я, Варушка, домой пойду,—спохватилась Аниюшка,—не по старому ты, не по-прежнему что-то

— Не ходи, Аниюшка!—оставляетъ Варушка, а сама такъ смотритъ... неладно.

И опять сидѣли подруги, какъ прежде. Сколько вече-
ровъ тутъ прошло подъ окошкомъ, ягоды ъли, попѣвали
пѣсни! Теперь молча сидѣли.

Поднялась Анююшка, хочетъ домой. Не想要 Варушка
отпускать безъ ужина подругу.

— Поужинаешь, тогда и пойдешь! — собрала на столъ
Варушка, принесла рыбникъ, — рыбникъ изъ перстовъ со-
стяпанъ человѣчихъ, угощаетъ пирогомъ подругу.

Анююшка рыбникъ не сѣла, за пазуху запихала.

И не замѣтила Варушка.

— Что, сѣла рыбникъ?

— А тамъ, у сердца, — показала Аниюшку, будто все
сѣла, и домой хочетъ, — прощай, Варушка.

А Варушка молчить, такъ смотрить...

— Отпусти меня, Варушка! — просить Аниюшку: чуетъ, не
ладно.

Молчитъ Варушка, такъ смотритъ... неладно, а потомъ за
руку какъ схватить Аниюшку, за локоть и выше подъ мышку.

— Нѣть ужъ, пришла, такъ и будемъ вмѣтѣ! — и начала
ее ъсть, да всю, всю-то Аниюшку и сѣла.

3.

Ночью изъ города вернулся Андрей, хватился — нѣть жены.
Послалъ къ матери, нѣть ея и у матери.

— Къ Варушкѣ ушла, — говорятъ Андрею, — видѣли!

Всю ночь прождалъ Андрей, — не вернулась домой Аниюшка.
И чуть свѣтъ вышелъ Андрей и прямо къ Варушкѣ. Гляди-
у крыльца отъѣденная ножка лежитъ ребячья, на крыльцѣ
рука, въ сѣни вошелъ, а тамъ туловища головы человѣчи.
Андрей назадъ домой, созвалъ старшинъ, объявилъ.

Народу сошлось все село, всѣмъ селомъ пошли къ Ва-
рушкѣ, кто съ чѣмъ.

Окружилъ народъ избу, приколотили желѣзныя рамы къ
окнамъ, забили дверь. А Варушка по горницѣ скачеть, ой,
какъ скачеть! Поскакала тамъ, поскакала и затихла. По-
смотрѣли въ окно, лежить, затихла. Тутъ натащили хво-
росту, принесли огня, подпалили хворостъ, — занялся огонь,
да и сожгли избу.

КРАСНАЯ СОСЕНКА.

Жиль былъ богатый мужикъ, и была у мужика три дочери: умная двѣ, а третья дурочка. Собрался отецъ въ городъ на ярмарку, старшія и говорять:

— Купи,—говорятъ,—тятя, намъ по калошамъ.

— А мнѣ куни сосенку!—дурочка просить.

Поѣхалъ отецъ въ городъ, побывалъ на ярмаркѣ, и вернулся домой съ покупками, привезъ, что велѣли: старшимъ умнымъ—калоши, младшей дурочкѣ—сосенку. Самъ смѣется:

— Куда ты,—говорить, ее дѣнешь, печку топить?

А дурочка взяла сосенку, снесла сосенку на огородъ, тамъ и посадила. Днютъ и ночуетъ дурочка около своего деревца. Сосенка растетъ, дурочка растетъ.

Износили умныя сестры свои новыя калоши, повѣсили осьметки на огородѣ воробьевъ да сорокъ пугать, а у дурочки сосенка выросла высокая, стройная, не простая: постучишься—дверка раскроется, въ домикѣ войдешь—сундуки стоять, въ сундукахъ наряды—да такіе, какъ у царицы самой. Только про это никто не знаетъ, одна дурочка знаетъ.

А жиль неподалеку отъ деревни князь. Отецъ у него номеръ, и задумалъ князь жениться. Сколько странъ, сколько государствъ онъ объѣхалъ, а нигдѣ не могъ найти себѣ по сердцу. И сталъ князь собирать народъ со всѣхъ сель и со всѣхъ деревень:

„Авось,—думаетъ,—найдется, придетъ ко мнѣ моя суженая!“

Выпросились у отца умные сестры, разрядились итти на пиръ къ князю.

— И меня возьмите!—дурочка просится.

— Куда тебѣ, народъ пугать!—не взяли ее сестры, однѣ ушли.

Пошла дурочка на огородъ къ своей сосенкѣ, постучалась въ сосенку—раскрылась дверка и очутилась дурочка въ домикѣ. Убралась тамъ, одѣлась—узнать нельзя, царевна настоящая. А какъ вышла изъ домика и затворилась дверка, откуда ни возьмись тройка—заливаются, звенятъ колокольчики. Сѣла дурочка и поѣхала на пиръ къ князю.

Много красавицъ собралось у князя на пиру, на вечерѣ. и одна была всѣхъ краше—дурочка. Князь не отходилъ отъ нея, угождалъ ей, а вывѣдать не могъ, кто такая она. И никто не узналъ дурочку, сестры не признали сестру, а сама о себѣ она никому не открыла.

Вотъ и придумалъ князь: какъ итти дурочкѣ домой, велѣлъ онъ порогъ вишневымъ kleemъ вымазать, а самъ пошелъ до съней провожать. Ступила дурочка на порогъ, туфельку и оставила.

А на другой день пустились княжіе слуги по деревнямъ разузнавать, кто потерялъ туфельку у князя на вечерѣ. Заѣхали и на дурочкинъ дворъ. Спросили умныхъ сестеръ, дошла очередь спросить и дурочку—сидѣла дурочка на печкѣ рваная, сажей испачканная.

— Твоя туфелька?—смѣются ей княжіе слуги, и сестры смѣются и отецъ.

— Моя,—говорить дурочка, а сама съ печки да на огородъ.

Обрядилась дурочка у своей сосенки, убралась, какъ царевна, вернулась въ домъ. И всѣ диву дались: ужъ такая красавица—сосенка красная!

Тутъ прїѣхалъ самъ князь, свадьбу сыграли и стала дурочка княгинею, и стали они жить-поживать да добра наживать, князь молодой съ княгинею.

КУМУШКА.

Жила-была старушка Кондратьевна, смолоду была Кондратьевна примѣтлива да говорлива, а подъ старость, хоть глазомъ и ослабѣла, а еще зорче видѣла и хоть одинъ зубъ торчитъ, а и самъ говорунъ рѣчистый не переговорить ея шамканья. И была у Кондратьевны кумушка,—съ одной ложки ъли и пили, подружка. Старыя старухи на печи лежатъ, старыя старухи охаютъ, а подружки сойдутся вечерокъ посидѣть, до пѣтуховъ сидятъ, да и вѣкъ бы сидѣть, разговаривать.

Подружка кумушка и померла.

И осталась на свѣтѣ жить одна Кондратьевна.

Богомольная была Кондратьевна, къ службамъ очень любила ходить. Все примѣтить Кондратьевна, все высмотритъ: и кто какъ стоитъ, и кто зѣвнетъ, и кто кашлянетъ, и на комъ что нарядъ какой,—ничего не упустить старуха. А поразсказать-то ужъ я некому, нѣтъ больше кумушки, да и самой послушать нечего, не заговорить больше кумушки.

Безъ кумушки скучно Кондратьевнѣ, лжетъ старуха на печку, время снать—не спится, и лежитъ такъ, тараканы шкурки считаетъ.

Лежитъ такъ Кондратьевна, шкурки тараканы считаетъ, не спится старухѣ, вспоминается кумушка. И слышить разъ Кондратьевна, среди ночи звонъ въ церкви гудить. Встала съ печки да въ церковь. А церковь—полна покойниковъ: въ саванахъ стоять покойники и всѣ одинаковые, не видно

лица, не разберешь, кто Иванъ и кто Марья, кто нынче померъ, кто лѣтось. И какъ пи всматривается Кондратьевна,—всѣ одинаковые, стоятъ въ своихъ саванахъ.

А кумушка знакомая, подружка Кондратьевны, сняла съ себя саванъ и говорить:

— Нынче мы молимся, упокойники, а не вы, уходи, да чтобы не слышать никто, не сказывай!

Ушла домой Кондратьевна: не будетъ она мѣшать покойникамъ, еще доброго и съѣдять ее, всю-то схряпаютъ вмѣстѣ съ косточками. И цѣлый день крѣпко держала старуха свой полунощный зарокъ. Но когда среди ночи опять услышала звонъ, охота посмотреть покойниковъ отогнала всякие страхи. Встала старуха съ печки да скорѣе въ церковь: кто Иванъ и кто Марья, кто нынче померъ, кто лѣтось,—все она высмотритъ, до всего дойдетъ. И опять ея кумушка, подружка знакомая, уходить ей велѣла.

Три ночи кряду ходила Кондратьевна въ церковь, три ночи прогоняла ее домой кумушка. На четвертую ночь Кондратьевна не услышала звону, на четвертую ночь у дверей стала нокойникъ. Молча въ саванѣ стоялъ у дверей покойникъ, пугалъ Кондратьевну. И на слѣдующую ночь опять у дверей стоялъ покойникъ, пугалъ Кондратьевну.

„Кто—Иванъ или Марья“ Когда умершій—нынче или лѣтось? Зачѣмъ пришелъ? Чѣмъ ему надо?—хочется старухѣ все разузнать, а какъ разузнаешь,—не говорить, помалкиваетъ покойникъ, только пугаетъ.

И домекнулась Кондратьевна. Еще засвѣтло покрыла она столъ скатертью, подъ столъ пѣтушка пустила, чтобы въ полночь спѣсть пѣтушокъ,—мало ли что!—сама влѣзла на печку, легла ночи ждать.

Лежить Кондратьевна на печкѣ, шкурки тараканы считаешь, ждеть ночи, ждеть покойника.

И пришла ночь, стала ночью у дверей покойникъ. Увидѣла его Кондратьевна, да скорѣе съ печки, манить къ столу.

Усѣлся покойникъ за столъ и говоритъ:

— Сѣѣмъ я тебя! И зачѣмъ ты повадилась ходить къ намъ въ непоказанный часъ, терпѣнья нѣть моего!—да саванъ съ себя долой.

Тутъ Кондратьевна такъ и ахнула: кумушка, подружка
ея знакомая, кумушка сидѣла за столомъ.

А скатерть и говоритъ:

Трутъ меня и моютъ и полошутъ, все терплю, а ты
малости такой перетерпѣть не могла!—говорить скатерть
кумушкѣ.

И запѣлъ пѣтушокъ, и покойница отступилась.

ВОРОЖЕЯ.

Былъ такой царь заморскій, строгій, за правду стоялъ порядокъ наводилъ,—нарядчикъ. Какіе были въ его государствѣ воры, жулики, озорники и безобразники,—либо перевелись, либо въ другія земли промышлять отошли. Царь былъ строгій и справедливый,—нарядчикъ.

Случилось, царь разболѣлся: и то прикладываютъ и другое,—изъ силъ выбились, а нѣтъ пользы, ничего не помогаетъ.

Воть царица царю и говорить:

— Есть,—говорить,—въ нашемъ государствѣ, въ заморскомъ, старушка одна, ворожея живетъ. Воть если позвать ее, такъ она ужъ скажеть, какая у тебя болѣзнь.

Царь послушалъ царицу, далъ согласie.

Пошли за старухой. Позвали старуху. И пришла къ царю старуха, ворожея сама.

— Здравствуй, дитятко, ваше царское величество!—говорить старуха, а сама и глянуть на царя боится: очень ужъ все царя боялись.

Ласково поздоровался царь со старухой, выслалъ вонъ приближенныхъ своихъ царскихъ слугъ, остался одинъ со старухой.

— А что,—говорить,—бабушка, знаешь ты: смерть мнѣ или житѣе будетъ?

Старуха ни жива, ни мертвa.

— Что-жъ, скажи, бабушка!

А старуха царю:

— Гдѣ ужъ миѣ знать Господню тайность про это,—да въ ноги царю,—станешь, дитятко, ворожить, коли нечего въ роть положить!

Жалко стало царю старуху.

Коли не знаешь, бабушка,—сказалъ царь,—а спросясть тебя, скажи: смерть будетъ царю. Отъ смерти-то, бабушка, никому не уйти, правда?

— Правда, дитятко, правда.

Простилась старуха, пошла отъ царя.

Тутъ ее, старую, и затормошили,—всѣ на старуху, всѣ хотятъ знать, чтѣ будетъ царю.

— Чтѣ будетъ царю: житѣе или смерть?—всѣ хотятъ знать.

— Утромъ помретъ!—одно твердила старуха, что вѣѣльѣй самъ царь говорить, и до утра, кто-бѣ ни спросиль, всѣмъ и каждому это одно, о смерти,—утромъ помретъ!

И до утра всѣ повторяли за старухой про царя старухино царское слово:

— Утромъ помретъ.

На утро царь и померъ.

И какъ узнали, что правда, царь померъ: сбылось значитъ, слово,—и вознесли старуху, да такъ, что на вѣко-вѣчный хлѣбъ попала.

СЕРДЕЧНАЯ.

Много чего отъ слова бываетъ: словомъ можно, что хочешь, накликать, словомъ и бѣду прогоняютъ. Мудрѣмъ людямъ извѣстно, когда сказать слово надо, а когда промолчать—лучше.

Померъ мужъ у Лизаветы, осталась одна она да шестеро ребята съ ней. Съ шестерыми-то одной куда не легко, много горя натерпишься!

Ладно жила съ мужемъ Лизавета и теперь затоскнула крѣпко. День въ заботахъ, на мѣстѣ не посидить, а какъ ночь, и не спится, мѣста отъ тоски не найдетъ, все о немъ—одна дума.

И сталъ онъ къ ней ночью ходить, колотиться въ дверь.
И разъ пришелъ и въ другой.

Пришелъ онъ въ третій разъ.

— Отворяй,—вопитъ,—иду ребята смотрѣть!—любилъ онъ дѣтей: жалко ребята.

Слышилъ Лизавета, отъ страха волосы на головѣ стали, а онъ, знай, въ дверь колотить. И поднялась, вышла въ сѣни.

— Когда бросилъ да покинулъ, тогда не жалѣлъ, а нынче нечего съ тобой дѣлать, не пущу!

А онъ стоять подъ дверями, ой, вопить.

И до пѣтуховъ держалъ мертвѣцъ Лизавету въ сѣняхъ: не могла она тронуться съ мѣста, стояла у дверей въ холодныхъ сѣняхъ.

А на утро рассказала Лизавета людямъ, какъ отъ тоски свѣту онъ не видить, и что ходить по ночамъ, беспокоить ее покойникъ. И кто бы ни зашелъ ее провѣдать—жалѣли Лизавету, сердечная, до бѣдныхъ добра была,—прохожій ли, странникъ, сосѣди, всякому рассказывала она про свое горе, ни въ чемъ не таилась.

И всякий пожалѣлъ Лизавету. Всякій ее, кому бы ни рассказала.

И болыше не сталъ мертвѣцъ ходить.

ОТГАДЧИЦА.

Жилъ-былъ стариkъ со старухой, и плохо пришлось старикамъ, такъ обѣдняли, что не стало у нихъ и куска хлѣба. Чѣмъ тутъ дѣлать? Вотъ старуха и надумала.

Возьми,—говорить старику,—у сосѣда,сосѣдъ богатый, возьми,—говорить,—коровъ, загони ихъ въ свою пожню!

Стариkъ согласный: что старуха, то и стариkъ,—загналъ стариkъсосѣдскихъ коровъ на свою пожню. А тамъ хватились, у сосѣда, ищутъ коровъ, найти не могутъ.

Тутъ старуха выждала время, да къ сосѣду.

— Что,—говорить,—сосѣдъ, не могу ли я въ сей вечеръ твоихъ коровъ отворотить?

Обрадовался сосѣдъ.

— Ежели,—говорить,—бабушка, твоя сила будетъ, чѣмъ могу, тѣмъ и поблагодарю, только верни коровъ.

Карасьевна домой, за старика.

— Гони,—говорить,—стариkъ, коровъ домой.

Стариkъ согласный: что старуха, то и стариkъ,—погналъ стариkъ коровъ къ сосѣду. А сосѣдъ на радостяхъ Карасьевнѣ пудъ муки.

И сталъ стариkъ со старухой жить да поживать, и все было хорошо, пока не сѣѣли пудъ сосѣдской.

Кончилась мука, попали опять старики въ бѣдность, опять пришла нужда. И опять пришлось старикамъ за старое взяться: тоже и съ другимъ сосѣдомъ продѣлали, загнали коровъ, потомъ старуха коровъ вернула и получила новый пудъ.

Такъ хватовщиной и прокормились старики лѣто.

А слава о Карасьевнѣ, о колдовской ея силѣ такая пошла, самъ государь узналъ.

Пропалъ у государя о ту пору самоцвѣтный камень, и сколько его ни искали, найти нигдѣ не могутъ, какъ въ воду канулы. И пришло государю на разумъ испытать Карасьевну: пускай отгадаетъ старуха, кто унесъ его камень.

Ѣдутъ за Карасьевной два царскихъ лакея: Брюхъ и Хребетъ—они же и царскій камень украли, только все шито-крыто.Ѣдутъ лакеи, ведутъ разговоры.

— Вотъ что, Брюхъ,—говорить Хребетъ Брюху,—ежелѣ старуха и вправду отгадать можетъ, что мы у царя камень взяли, давай положимъ куриныхъ яйца въ сани, узнаетъ старуха, стало быть, вѣрно, колдунья.

— Что же, положимъ,—согласился Хребетъ.

Хотѣли лакеи испытать старухину силу. И сейчасъ же, какъ только въ село вѣхали, не заходя въ домъ, достали куриныхъ яицъ, да тихонько въ сани и сунули.

А Карасьевна, какъ увидѣла Хребта и Брюха, да узнала, что отъ самого государя лакеи, везти ее къ государю посланы, перепугалась на смерть.

— Не поѣду,—стоитъ старуха,—безъ старика не поѣду, онъ тоже знаетъ.

Имъ-то чего, со старикомъ ли, безъ старика, все едино, уложили котомки и въ путь.

Усѣлся стариkъ въ сани, сѣла старуха, прощается съ домомъ—куда ужъ вернуться!

— Сѣсть,—говорить,—мнѣ было, какъ курицѣ на яйца.

А лакеи такъ другъ друга и подтолкнули.

— Эка, вѣдьма, заразъ узнала!—и всю-то дорогу помалкивали оба: чѣмъ ближе къ государю, тѣмъ страхъ больше.

И стариkъ со старухой молчали: не вернуться имъ домой вовѣки!

Ночью прїхали старики ко дворцу. Отвели старикамъ комнату особую, велѣли спать. А Брюхъ съ Хребтомъ подъ дверями уши навострили.

Вороchался стариkъ,—нѣть сна, какой ужъ сонъ!

— Ой, ворона,—не вытерпѣлъ, сказалъ стариkъ старухѣ,—залетѣла въ высоки хоромы, что-то намъ будетъ?

— Что будетъ брюху, то и хребту!—горько сказала старуха, горько ей было старой: хоть и въ бѣдности жили, да не въ бѣдѣ, а тутъ крышка.

Какъ услышали Брюхъ съ Хребтомъ старухины слова, такъ тутъ у дверей и присѣли.

— Отдать надо, отгадала злодѣйка, отдать надо!—да ползкомъ, ползкомъ въ свою лакейскую каморку, да скрѣй за сундукъ, вынули изъ сундука камень и съ камнемъ назадъ къ старикамъ, стучать къ старикачъ.

А старикъ со старухой со страху тычутся, дверь отыскать не могутъ, чуть живы отъ страху, насилиу-то отворили.

Тутъ Брюхъ и Хребеть старухѣ въ ноги:

— Не говори на насъ, бабушка, что онъ у насъ хранился!—и подаютъ старухѣ камень, да сто рублей денегъ.

Приняла Карасьевна камень и сто рублей денегъ и ужъ до самаго утра такъ его въ рукахъ и держала, а старикъ стоялъ, ее застиль: горѣль самоцвѣтный камень, игралъ, какъ Божи огни—звѣзды.

На утро привели старуху къ государю.

— Что, старуха,—спрашивается государь, гадала?

— Гадала, батюшка,—говоритъ Карасьевна,—и отгадала, батюшка, гдѣ твой камень есть. Въ Москву унесенъ. черезъ недѣлю достану.

И цѣлую недѣлю жилъ старикъ со старухой во дворцѣ у государя, цѣлую недѣлю изъ комнаты никуда не отлучались, караулили старики камень: мало ли грѣхъ какой, не услѣдишь, сташутъ!

Черезъ недѣлю повели старуху къ государю, и отдала Карасьевна государю его самоцвѣтный камень.

Удивился государь такой колдовской силѣ.

— Ну,—говорить,—бабушка, за такую службу мало тебѣ и царской награды! Здѣсь ты желаешь жить или въ свою сторону назадъ ёдешь?

А Карасьевна едва духъ переводить и пала въ ноги государю:

— Батюшка, гдѣ меня взялъ, отвези назадъ.

И отправилъ государь старика и старуху домой и наградилъ хлѣбомъ до самой ихъ смерти.

ДОГАДЛИВАЯ.

1.

Киль одинъ человѣкъ бѣдный, много терпѣлъ, а все неудача: не везло ему ни въ чемъ—да и только. И не то, чтобы тамъ о какихъ-нибудь богатствахъ, обѣ одномъ ужъ у него мысль: хоть какъ-нибудь да Богъ далъ бы день прожить. Быть онъ семейный: жена, дѣти,—и жить бы ему съ семьей дружно, да жить нечѣмъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ нужда больше. И такъ ему плохо пришлось, что и кормиться нечѣмъ.

Вышелъ Прохоръ изъ дома, а куда итти—и самъ не знаетъ. А итти надо: безъ денегъ хоть и домой не возвращайся. А гдѣ достать денегъ,—такъ, съ вѣтру, и копѣйка не валится. И стало ему горько.

„Хоть бы чортъ денегъ мнѣ далъ, ужъ я бы ему и душу продалъ, чтобы только ребята кормить!“

И только это онъ о чортѣ подумалъ, чортъ и явился.

— А,—говорить,—здраво, Иванычъ!—а золотой у самого въ лапѣ такъ и играеть,—хочешь?

Какъ тутъ быть: не откажешься—деньги налицо, только бери.

— Что-жъ, давай!—протянулъ руку Прохоръ за золотымъ.

А чортъ и говорить:

— Ишь, какой! Ты, Иванычъ, напередъ мнѣ дѣло одно сдѣлай, а потомъ и деньги твои будутъ. Палецъ безымян-

ный надо... ну, кровку изъ пальца выпустимъ, такъ чуть
чуть, ты мнѣ условіе подпиши, Иванычъ, и готово.

— Ладно,—согласился Прохоръ.

И живо все это дѣло сдѣлали, изъ безымянного пальца
кровь выпустили, подписанъ Прохоръ чорту условіе, а
чортъ Прохору—денегъ: золотой.

— За душой приду, прощай!—только хвостомъ и виль-
нуль чортъ.

2.

Съ золотымъ вернулся Прохоръ домой. И съ той поры
не переводились деньги, разжился, началъ торговатъ, и
пошла совсѣмъ другая жизнь. Забылъ бѣднякъ о всякой
нуждѣ, легко было жить, и не замѣтилъ онъ, какъ старость
подошла.

И чѣмъ ближе къ смерти, тѣмъ больше сталъ задумы-
ваться старику.

И то, что чорту кровью условіе подписанъ—душу ему,
черному, продалъ, мучило старика, и еще то, что столько
лѣтъ со старухой въ дружбѣ да въ любви живетъ и во
всемъ въ душу и все съ ней въ совѣтѣ, а главнаго-то, откуда
у него тогда золотой появился, не открылъ онъ старухѣ,
ничего старуха обѣ условіи его съ чортомъ знать не знаетъ.

Сидитъ такъ старику, голову повѣсили: чорта ему
страшно—грѣхъ мучить, да и передъ старухой вину свою
знаетъ, а сказать тяжко.

— Что ты, старику, вое задумываешься?—спрашиваетъ
старуха,—раньше-то намъ думать было о чѣмъ, когда жили
мы бѣдно, а теперь что намъ думать!

А старику ей, молчалъ-молчалъ, да и говорить:

— Не знаешь ты, старуха, гдѣ я тогда золотой взялъ?
Я чорту душу продалъ.

Сказалъ старику, а самъ пуще испугался: думалъ, что
ужъ старуха такъ тутъ на мѣстѣ отъ страха и кончится.

А старухѣ и горя мало.

— Напцелъ, чѣмъ горевать! А пускай только придется
чортъ: ужъ если брать твою душу, такъ и мою долженъ
взять, а мою не возьметъ, такъ и твою не возьметъ.

Легокъ чортъ па поминѣ, чортъ стучится:

— Отпирай, Иванычъ, я пришелъ!

А на старикъ лица нѣть, двинуться не можетъ.

Пошла старуха, отперла дверь, впустила чорта.

— Здорово!—такъ хвостомъ и виляетъ,—я за душой, Иванычъ!

— Нѣть, ты и мою бери,—наступасть старуха,—столько лѣть вмѣстѣ жили, такъ не годится.

— А на кой мнѣ твоя, бабья, я за нимъ пришелъ! Да много-ль возьмешь за свою?—самъ такъ и юлитъ: ему, чорту, тѣмъ большие душъ, тѣмъ лучше.

— Денегъ я не возьму, а справь ты мнѣ три задачи: справишь—тебѣ обѣ души, не справишь—иди отъ насъ по добру, по здорову.

— Еще чего!—подскочилъ чортъ: чортъ все можетъ, ему на бабу обидно.

Удалили по рукамъ: справить чортъ три задачи—возьметъ душу старика да и бабью даромъ въ придачу, а не справить—ни одной не получить.

А старикъ ни живъ, ни мертвъ: страшно ему за себя, страшно и за старуху, какъ бы старуха передъ чортомъ не сплоховала.

Стала старуха посреди избы, да какъ чи-хнетъ:

— На,—говоритъ,—имай!

Чортъ ловить, ловилъ-ловилъ, не можетъ нигдѣ поймать.

— Ну, вотъ и не справилъ задачу, а еще чортъ!—подзадариваетъ старуха.

Бѣсится чортъ: чортъ все можетъ, ему на бабу обидно.

Выдернула старуха изъ-подъ повойника волосинку.

— На тебѣ, выпрями волосъ!

Чортъ за волосъ, крутилъ, вертѣлъ, и вертѣлъ, и межъ жадонями каталъ, выпрямить не можетъ, да и разорвалъ.

— А еще чортъ! Ничего-то ты не можешь,—зной себѣ, дразпитъ старуха.

Пуще бѣсится чортъ: чортъ все можетъ, ему на бабу страсть обидно.

— Вотъ у меня родимое пятно,—показываетъ чорту старуха,—седьмой десятокъ на тѣлѣ ношу, слижи, чтобы добѣла.

Чортъ лизать, лизаль-лизаль, стало языку больно, а пятнышко не сходитъ, только старухѣ локоть натерь. И невмоготу ужъ старухѣ, терпѣла-терпѣла, да какъ дрыгнетъ ногой: у чорта изъ глазъ инда искры посыпались.

И отступилъ.

Отступился чортъ, да драла безъ оглядки, забыль и про душу.

ЛЕПЕТЛИВАЯ.

1.

Жилъ-былъ человѣкъ съ женою. Жену Маримьяной звали. Хороша была баба Маримьяна, другія бабы примутся языкомъ чесать, такого нагородятъ и правды не добьешься, а Маримьяна, чтобы сократъ или насочинить чего, такого въ жизнь за ней не водилось,—одну сущую правду. Всѣмъ хороша и хозяйственная,—одно горе—утаить съ такой ничего невозможнo, все такъ и разскажетъ, какъ было, не утаить.

Ходилъ Яковъ въ лѣсъ и нашелъ кладъ и взять одному такой кладъ несподручно, безъ Маримьяны не обойдешся. А какъ Маримьянъ вколошишь, что кладъ—тайность и говорить о такомъ не годится: выйдетъ въ люди, еще бѣды наживеш!

Вотъ идетъ онъ домой, раздумываетъ, дошелъ до рѣчки, а въ рѣкѣ забранъ язъ—загорожена, и въ язу вятеръ, а въ вятеръ ту попала щука большая. А былъ Яковъ мужикъ со сметкой: щуку онъ изъ верши вынулъ и пошелъ себѣ сторонкой въ лѣсу. Стоять въ лѣсу кляпцы, а въ кляпцы попалъ зайцъ. Яковъ зайца изъ капканы вынулъ, да на его мѣсто птицу и посадилъ, и опять къ рѣкѣ къ язу, и тамъ пустилъ зайца въ вятеръ.

Уже сумеречкомъ пришелъ Яковъ домой.

— Ну,—говорить,—жена, затопляй печку да пеки блиновъ болѣй!

— А что такое? На ночь глядя, печку топить!

— Да ужъ затопляй: намъ сеночи въ лѣсъ итти за деньгами, я кладъ нашелъ!

Сейчасъ Маримьяна къ печкѣ, затопила печку и стала блины печь. Стала она блины печь, а Яковъ сѣлъ блины жечь п котомку съ собой рядышкомъ поставилъ: блинъ съѣсть, а два да три — въ котомку. Маримьяна-то не видить, только знай печеть,—отъ печи распыхалась.

— И что это ты, Яковъ, такъ разъѣлся, блиновъ не напечешься!

— Глупая, да вѣдь денегъ-то сколько, надо поплотнѣй поѣсть, не управишься!

Найдя Яковъ блиновъ, а того болѣ въ котомку наклалъ. И какъ стала ночь, айда въ лѣсъ за кладомъ.

2.

Вотъ идутъ они лѣсомъ. Яковъ впереди, самъ идетъ да блины-то изъ котомки-то вынимаетъ, да по суковью-то вѣшаеть, по лѣсу-то. А Маримьяна сзади, ей и непримѣтно. Шла, шла и увидала.

— Ой, что же это, хозяинъ, по суковью все блины-то!

— Эхъ, глупая, развѣ не видала, это блинная пища выпала.

— Ой! Я и не видала!

Дошли до капкана.

— Посмотри-ка, Яковъ, тамъ нѣть ли чего?

Якову того и надо,—изъ кляпцовъ щуку и вытащилъ.

— Ой, хозяинъ! Какъ рыба-то въ кляпцы попала?

— Эхъ, глупая, не видала, есть такая рыба, по сушѣ ходить.

Дошли до рѣчки, въ язу верша тамъ.

— Посмотри-ка, Яковъ, нѣть ли тамъ кого?

Яковъ вытащилъ вятерь, а въ немъ заяцъ.

— Ой, хозяинъ, да что же это въ вятерѣ-то заяцъ?

— Эхъ, глупая, не видала, есть такие зайцы, въ водѣ ходятъ.

Такъ со щукой, что по сушѣ ходить, да съ водянымъ зайцемъ дошли они до клада. И принялись за работу, наклали денегъ по такой котомкѣ по большущей и пошли домой.

А итти имъ прямъ селомъ было, мпмо барской усадьбы. Поровнялись они съ барскимъ дворомъ, на дворѣ козель заблеяль.

— Ой, хозяинъ, кто это?

А Яковъ не будь дуракъ.

— Бѣги,—говорить,—барина-то черти давятъ!—да самъ бѣгомъ.

И она за нимъ.

Бѣжали, бѣжали. Храпить ужъ, тошно ей, а все бѣжить. И прибѣжали. Слава Богу!—и кладъ, и птука, и заяцъ—цѣло.

3.

Хороша была баба Маримьяна, хозяйственная, рано вставала, рано печку топила, раностайка. А тутъ, какъ ночь-то проходила, по утру поздно стала, поздно затопила печку. Вышла по воду къ колодцу. А ужъ бабъ не мало накопилось у колодца.

— Что это ты, сосѣдушка, такая раностайка, а сегодня у васъ поздно печка топится?

— Ночь проходила, сосѣдушки.

— Куда же ты ходила?

— Ой, куда муженекъ: Яковъ кладъ нашелъ!

Ну, по всей по деревнѣ, какъ телеграмма пошла: Яковъ кладъ нашелъ. Дошло до десятскаго, сказали старостѣ, а отъ старосты—къ барину.

И сейчасъ призываетъ баринъ Якова.

— Что, голубчикъ, нашелъ кладъ?

— Никакъ нѣть, ваше благородіе. И кто это вамъ рассказалъ такое?

— Жена ваша сказывала. Всѣ знаютъ.

— Призовите жену, ваше благородіе, клада мы никакого не находили.

Пошелъ староста за Маримьяной, привелъ бабу.

— Что, голубушка, нашли кладъ?

— Нашли, нашли, батюшка, нашли.

— Ну, а какъ же это вы нашли?

— А шли мы все лѣсомъ. И по лѣсу все блины.

— Блины?

— Блинная пища выпала. Идемъ дальше, стоять кляпцы, а въ кляпцахъ-то этакое мѣстище—щука!

— Щука?

— Вынули мы щуку, щука по сушѣ ходить, дошли до рѣчки. Забранъ тамъ язъ, въ язу заложенъ вятерь, вытащили вятерь, а въ вятерѣ-то этакое мѣстище—зайчище!

— Да въ какое же время вы шли?

— Въ самое, въ самое-то время, когда тебя, батюшка, черти-то давили.

— Какъ! Меня? Черти... вонъ! — осерчалъ, затопалъ ногами.

— Вотъ, ваше благородіе, слышали? Вретъ все. Я съ ней вѣкъ такъ живу.

Ну, баринъ видитъ, чего съ такой взять, и отпустилъ ихъ домой съ миромъ. Кладъ при нихъ и остался.

МУДРАЯ.

1.

Былъ одинъ купецъ богатый. Былъ у него сынъ Ванюшка и такой умный—никуда не ходилъ, ни по пирамъ, ни по бесѣдамъ, никуда.

— Что это у насъ сынокъ никуда не ходить, никого не знаетъ? Надо женить его!

— А ты посытай его на бесѣды,—совѣтуетъ мать.

Отецъ къ сыну:

— Что ты, Ванюшка, никуда не ходишь?

Куда я, тятенька, пойду, я никого не знаю.

— Ты бы хоть къ дѣвушкамъ на бесѣду сходилъ.

— Можно, схожу.

Далъ ему отецъ три рубля денегъ.

— Поди,—говоритъ,—купи гостинцевъ и иди на бесѣду, дѣвушекъ попотчуй.

Купилъ Ванюшка гостинцевъ, идетъ по городу, раздумываетъ, куда итти.

„На господскую бесѣду неприлично, на купеческую страшно. Пойду-ка я, гдѣ, мѣщанки сидять, тамъ проще!“.

И пошелъ на мѣщанскую бесѣду.

Дѣвокъ бесѣда большая сидитъ. Всѣ ему рады: не бывалъ на бесѣдѣ никогда.

Одна дѣвка бойкая, Танюшка, выскочила къ нему:

— Пожалуйте, пожалуйте, вотъ мѣсто тутъ!

Ванюшка и съѣль къ пей. Отдалъ ей гостинцы.

— Вотъ, Танюшка, потчуй подругъ.

Танюшка по разу обнесла подругъ, остальное себѣ.

И деньги, что у него остались, отдалъ онъ Танюшкѣ.

— Миѣ,—говорить,—не надо, у насъ, у тятеньки, денегъ много!—и пошелъ домой.

Дома встрѣчаетъ отецъ.

— Ну, что, Ванюшка, понравилось на бесѣдѣ?

— Да ничего, тятенька, хорошо. Понравилось.

— А ты на другой вечеръ еще сходи.

— Можно, только миѣ, тятенька, этихъ денегъ мало. Дай пять рублей.

Отецъ далъ денегъ.

И на слѣдующій вечеръ взялъ Ванюшка гостинцевъ, сколько нужно, и пошелъ на бесѣду. И опять садится къ Танюшкѣ. И опять ей отдалъ деньги. А она его и провожать пошла.

И сталъ Ванюшка ходить каждый вечеръ. А денегъ просить у отца все вдвое, все вдвое: до двадцати пяти рублей дошелъ и до тридцати дошелъ.

Схватился отецъ.

— Не въ добрый часъ мы послали сына по бесѣдамъ ходить. Теперь онъ нась разорить.

— Самъ послалъ по бесѣдамъ ходить!—отвѣчала мать.

— Не лучше ли его женить?

— Такъ что же, жени.

Отецъ къ сыну:

— Ванюшка, не желаешь ли ты жениться?

— Что же, тятенька, жените.

— А кого прикажешь сватать-то?

— Сватайте Танюшку. Дѣвка-то хорошая.

Отецъ уперся.

— Намъ такой не надо. Не то, что въ домъ, а дома не надо.

— А миѣ больше никакая не надобна.

— Подзaborная!—вступилась мать,—да мы за тебя найдемъ невѣсть умныхъ-разумныхъ, благочестивыхъ, отъ хорошаго отца и матери, съ большимъ имѣніемъ, съ большимъ приданымъ.

— Ну, какъ хотите. Кого возьмете, съ тѣмъ жить и буду,— согласился Ванюшка.

2.

Поѣхали сватать и высватали невѣсту умную-разумную, благочестивую, отъ хорошаго отца и матери, съ большимъ имѣніемъ, съ большимъ приданымъ. И женили Ванюшку. Свадьбу сыграли хорошую, богатую. Послѣ пира спать молодыхъ положили. И сами улеглись. Все утихло вездѣ. Никто не сталъ ужъ ходить въ домѣ.

Ванюшка говорить Машѣ:

- Оставайся, жена, я пойду къ Танюшкѣ.
- Ну, ступай съ Богомъ.

И пошелъ и вернулся во-время: еще всѣ спятъ. А поутру пришли молодыхъ будить, видять—двоє. Никто не узналь, а она никому не сказала.

На другой день поѣхали къ Машиной роднѣ, къ ея отцу-матери на отводину. Тамъ тоже гуляли. Стали готовить постель молодымъ на верху. Ванюшка говорить Машѣ:

- Я тамъ не лягу, приготовляйте внизу, къ дверямъ ближе. Она упросила мать и имъ внизу постелили.

И какъ улеглись всѣ, какъ затихло все и замолкло, онъ опять:

— Оставайся, жена, я пойду къ Танюшкѣ.

И такъ каждую ночь ходить и ходить. А жена, какъ чужая,—перстомъ не дотронется. Ходить, изъ дома все ташить.

Стали замѣчать отецъ съ матерью.

- Скажи, Машенька, не ходить куда Ванюшка отъ тебя?
- Нѣть, никуда не ходить Ванюшка отъ меня. Постоянно все со мной.

Ну, да не проведешь стариковъ, сами дознались.

— Нужно его послать заграницу. Можетъ, и отстанетъ отъ Танюшки.

— Пошли его,—согласилась мать.

Отецъ къ сыну:

— Ванюшка, не съѣздишь ли ты поторговать заграницу? Я тебѣ нагружу товару корабль.

— Что-жъ! Я, тяте́нька, по́йду.

Долго дѣла не откладывали, нагрузилъ отецъ товару корабль.

— Свои товары продашь, заграничныхъ накупишь и опять домой пріѣзжай.

— А какой тебѣ, тяте́нька, подарокъ привезти заграницній?

— А привези мнѣ шапку въ пятьдесятъ рублей.

— А тебѣ чего привезти, маменька?

— Привези мнѣ во сто рублей шаль.

— Хорошо, маменька, привезу.

Обернулся къ женѣ:

— Тебѣ чего нужно?

— Мнѣ ничего не нужно: своего всего много. А привези, Ванюшка, ума.

— Хорошо, привезу.

Побѣжалъ къ Танюшѣ.

— Заграницу торговать єду. Какой подарочекъ привезти тебѣ, Танюшка?

— Привези въ пятьсотъ рублей салопъ.

— Хорошо, привезу. Только какъ я тебѣ его передамъ?

Приходи на пристань, когда вернусь.

Простился и поѣхалъ.

3.

Пріѣхалъ Ванюшка заграницу. Привалилъ на пристань корабль. И пошла торговля, такая торговля пошла, и не рядится: что спросять, то и даютъ. Всѣ товары распродалъ по самой дорогой цѣнѣ, а набралъ товаровъ заграничныхъ по самой дешевой цѣнѣ. И подарки накупилъ: шапку отцу, шаль матери, Танюшкѣ салопъ, и осталось только женѣ ума купить.

„Гдѣ ума купить?“—ходитъ по городу, думаетъ: бѣзъ ума ему домой невозможно єхать!

Зашелъ въ одинъ магазинъ, самый большой, заграницній.

— Что, господа, нѣтъ ли продажного ума?

Разсмѣялись.

— Дуракъ,—говорятъ,—есть умы у насъ, да про себя,
дуракъ!

Закрылъ глаза, со стыдомъ вышелъ, идетъ по городу—
головушка повѣшена.

Ай, попадаетъ ему встрѣчу пьянчужка рваная.

— Что ты такъ, голубчикъ, задумался? Головушка по-
вѣшена?

— Уйди, что тебѣ за дѣло!—отмахнулся отъ пьянчужки
рваной.

И разошлись.

А прошелъ немного и раздумался.

„Этакіе, можетъ, и лучше знаютъ, гдѣ ума купить!“

— Стой,—кричитъ,—эй, другъ, воротись-ка!

Пьянчужка тутъ-какъ-тутъ.

— Ну, что тебѣ нужно?

— А не знаешь ли, гдѣ умы продаются? Жена наказала
ума купить, безъ ума мнѣ прїѣхать домой невозможно.

— Пойдемъ со мной! Ума сколько хочешь найду.

Ну, конечно, куда же—въ трактиръ въ Симпатію.
Привелъ его пьянчужка въ Симпатію, усадилъ за сто-
ликъ.

— Посиди,—говорить,—тутъ. Я сейчасъ. Я это дѣло
тебѣ сдѣлаю, ума доставлю, только умъ дорогъ—семьсотъ
рублей.

— Семьсотъ, такъ семьсотъ!

Долго ходилъ пьянчужка. Наконецъ-то явился, несетъ
узелокъ подъ мышкой: въ рогожкѣ узелокъ, укутанъ ве-
ревками на-крѣпко.

— Денежки пожалуйте, семьсотъ рублей.

Отсчиталъ Ванюшка деньги, а тотъ ему узелокъ.

— Не смотри до дома, а то уйдетъ умъ отъ тебя.

Взялъ Ванюшка узелокъ и на корабль. Тамъ, въ каютахъ
закрылъ окна и дверь, положилъ узелокъ въ уголъ. И стали
отправляться въ путь.

Мало ли, много ли мѣста проѣхали, и сталъ этотъ узе-
локъ его мучить.

„За что я семьсотъ рублей отвалилъ? Чего я домой женѣ
привезу?“—только и дума, только и мука.

И сошелъ Ванюшка въ каюту, заперся, да за узелокъ. Путалъ, путалъ—распуталъ. А тамъ — худыя брючишки, рваная-прерваная, да и пиджаченка рвань, да шапченка рваная, худая, да сапоги оборыши безъ голенищъ, одни коты.

Хлопнулъ себя съ досады.

— Такъ вотъ за что я семьсотъ отвалилъ!

Сгребъ рвань въ охапку и понесъ—куда же?—только въ море.

И только что замахнулся сбросить въ море, вдругъ сталъ.

„А не свезти-ка мнѣ лучше домой?“.

И вернулся въ каюту, кинулъ въ уголъ рвань.

4.

Пріѣхалъ Ванюшка домой на сутки раньше. Привалилъ съ пристани корабль. Сошелъ въ каюту, вытащилъ узелокъ, одѣлся въ это ризье, обулся. И пошелъ съ корабля нищимъ.

Приходитъ къ отцовскому дому. Помолился у порожка, просить милостыньюку Христа ради.

Вышелъ отецъ, тридцать конѣекъ вынесъ.

— Прійми, нищенка, милостыньюку! Помолись за моего сына Ванюшку.

А мать за нимъ полтинникъ даетъ.

— Помолись за нашего сына Ванюшку.

Выходить жена, рубль несетъ.

— Прими, нищенка, милостыньюку. Помолись за моего милаго мужа Ванюшку, чтобы далъ ему Господь ума-разума.

Поклонился Ванюшка отцу, матери и женѣ и пошелъ отъ двора къ Танюшкѣ.

У Танюшки—огонь, дверь не заперта. Вошелъ въ домъ. А тамъ столъ, какъ буфетъ. На столѣ разныя закуски, выпивка, рюмки. И сидить у нея за столомъ такой рыжикъ. Вотъ охватываются, цѣлются. Оба пьяные.

— Я, пока жива, отъ тебя не отстану!—хлопнула Танюшка объ столъ кулакомъ,—и отъ Ваньки тоже не отстану, пока его по міру не пущу.

— Милостыньки Христа ради!

Кидкомъ кинула три копѣйки.

— Убирайся къ чорту!

Вышелъ, перекрестился Ванюшка.

— Слава Тебѣ, Господи! Не жаль мнѣ и денегъ: не рвань, я умъ купилъ!

Вернулся Ванюшка на корабль. Одѣлся, сдобился, дожидаетъ свѣта. И какъ свѣтло стало, ѿдѣть къ нему Танюшка на тройкѣ.

— Все ли благополучно? Какъ поживаешь, Танюшка?

Заплакала Танюшка.

— Про меня-то ты и не спрашивай! Безъ тебя я переплакалася, перетосковалася. Привезъ ли ты мнѣ подарочекъ?

— Привезъ, привезъ.

И пошелъ въ каюту и она за нимъ.

И какъ вошли въ каюту, онъ ее схватилъ и ну мять и топтать. Всю изодралъ—всю въ кровь. Какъ кусокъ мяса выкинулъ.

Извозчики не берутъ.

— У насть,—говорятъ,—дама ѿхала! А это что? Мяса кусокъ.

Не обернулся Ванюшка, пошелъ къ дому—къ отцу-матери. Всѣ его встрѣчаютъ—и отецъ, и мать, и жена.

Поздоровался онъ съ отцомъ, съ матерью и съ женой. Пріоглядѣлся и сталъ подарки дарить.

Отдалъ отцу шапку.

— Вотъ тебѣ, тятенька, шапка въ пятьдесятъ рублей. Хороша ли?

Подалъ матери шаль.

— Вотъ тебѣ, маменька, шаль въ сто рублей. Хороша ли?

— Хороша, Ванюшка.

Подаетъ салопъ женѣ.

— Вотъ тебѣ, милая жена, въ пятьсотъ рублей салонъ. Какъ обрадовалась Машенька.

— Слава Тебѣ, Господи! Дасть Ты ему, Господи, ума-разума!

И стали они жить по-хорошему.

ВЪРНАЯ.

I.

У богатаго купца былъ одинъ сынъ, малый гораздый.
Вотъ отецъ и мать говорять ему:

- Васенька, надо женить тебя—время подошло.
- Жените.
- А люба ли тебѣ невѣста, дочка купца Печникова?
- Что-жъ, люба! Поѣдемте.

И отправились всѣ трое къ богатому купцу Печникову.
Высватали его дочку. Сѣли родители уговариваться, а Василій въ невѣстину комнату.

- Теперь ты, все равно, моя!—и ну любезничать.

Она было отговариваться:

- Не долго, вѣдь, обѣянчаемся.
- Ну, все равно, и теперь, что моя.

Она и согласилась.

А онъ отъ нея прочь.

— Обожди маленько. Я сейчасъ схожу къ отцу, поговорю маленько и вернусь.

И вышелъ къ отцу, къ матери, да тихонько подговорильтъ ихъ, чтобы домой ѿхать. И ужъ къ невѣстѣ не вернулся.

Пріѣхали домой.

— Не надо мнѣ, тятенька, этой невѣсты: дому она не хозяйка и мужу не жена.

На другой день старики опять къ сыну:

- Васенька, поѣдемъ къ купцу Костерину свататься.

— Что-жъ, поѣдемте. Мнѣ его дочка нравится.

И отправились всѣ троє къ богатому купцу Костерину. Высватали невѣсту. И опять случилось то самое, что и у купца Печникова.

Ни съ чѣмъ вернулись домой.

— Не надо мнѣ, тятенька, и этой невѣсты: дому она не хозяйка и мужу не жена.

— Обезчестиль ты нась, Василій. Стыдно намъ будеть и встрѣчаться. Теперь, какъ самъ знаешь, такъ и дѣлай. Хоть холостымъ живи, хоть женись. Мы съ тобой не поѣдемъ больше!

— Ну, такъ я самъ пойду и выберу себѣ невѣсту.

Идетъ Василій по городу. Весь городъ обошелъ, нѣтъ ему по душѣ невѣсты. Дошелъ до неражинкой избушки. И видитъ, идетъ съ ведромъ по воду, и такая красавица, что лучше и желать не надо.

Эта дѣвица бѣдной вдовы была, Луша.

Онъ за ней слѣдомъ. Она въ неражинку избушку, и онъ за ней.

Мать была дома.

— Бабушка, я пришелъ вашу дочку сватать.

— Что ты, Василій? Гдѣ же нашей дочки за вами быть? У нась нѣть ничего, а вы такой богатый.

— Ну, бабушка, что толковать. Полюбилась мнѣ ваша дочка.

Помолились Богу и по рукамъ.

Вотъ старуха изъ избы вышла куда-то, а онъ опять и къ Лушѣ, какъ къ тѣмъ своимъ невѣстамъ.

— Ты,—говорить,—все равно, что моя теперь!

И все, что тѣмъ.

А она и слышать не хочетъ.

— Какъ хотите, возьмете или не возьмете, а пока не повѣнчаемся, того не будетъ.

И какъ онъ ни уговаривалъ, никакъ не могъ уговорить. Вернулся Василій домой.

— Вотъ, тятенька, я сегодня выеваталь себѣ невѣсту. Нашелъ! Будетъ она и дому хозяйка и мужу вѣрная жена.

Благословили отецъ и мать. И поженились Василій и Луша.

Живеть Василій со своеї Лушей въ любви и согласіи.

Живутъ и лелѣютъ. И никогда одинъ безъ другого никуда не пойдетъ. И никогда бы не разстались другъ съ другомъ. А пришлося.

Поѣхалъ Василій въ иныя земли съ товаромъ на корабляхъ. Распростился съ женой и поѣхаль. И такъ хорошо торговалъ, расторговалъ всѣ товары.

А давалъ король пиръ и созвалъ на пиръ купцовъ и своихъ и пріѣзжихъ. Пили, гуляли. Разгулялись и ну хвастать: кто богатствомъ, кто мастерствомъ. Только Василій сидить, помалкиваетъ.

— А ты что, купецъ, ничѣмъ не хвастаешь?

— Да чѣмъ же мнѣ хвастать? А похвастаюсь я моей вѣрной женой. У меня жена Луша, ничѣмъ не возьмешь!

Этакій ловкенкій тутъ и вызвался:

— Неправда! Я докажу.

Гости слышали и слова его утвердили и подписали.

— Если ты правъ,—сказалъ король Василію,—вѣрна твоя жена, большая награда тебѣ будетъ, а если не выйдетъ по твоему, голову долой!

А тотъ ловкенкій прямо съ пирам да на корабль.

Пріѣзжаетъ онъ въ городъ и прямо въ Васильевъ домъ. И давай склонять Лушу. И деньги ей сулить большія и проходу ей не даетъ, мѣста никакого. И ничѣмъ отъ него не отвяжешься.

И говорить ему Луша:

— Ужъ я спрошу, и какъ скажутъ люди, такъ и сдѣлаю.

И рассказала свекору.

— Что, батюшка, посовѣтуешь?

— Что же! Не замѣтка у мужа положена. Что же, можно.

— Нѣтъ, вы не ладно судите!—и пошла къ свѣкови. Разсказала свекрови.

— Ежели склоняеть,—сказала свекровь,—такъ не замѣтка у мужа кладена. Можно.

Пошла къ попу. Все ему рассказала.

— Не нарушай закона,—сказалъ ей батюшка,—деньги, что онъ сулить, это все прахъ, а твою вѣрность, ее ничѣмъ не выведешь и не купишь.

Вернулась домой, а тотъ ужъ ждетъ.

— Ну, что сказали?

Она ему свое, а онъ свое.

Ночь подходитъ, скрыться некуда. Такъ и пристаетъ. И нечѣмъ отъ него отговориться. Терпѣла, терпѣла, не вмоготу стало.

— Дожидайте ночи, я приду!—и велѣла ему итти въ свою спальню.

Онъ—въ спальню, а она—на кухню къ Ульяшѣ. Любила ее Ульяша, какъ сестру родную, служила ей вѣрно.

Со слезами стала Луша уговаривать Ульяшу:

— Одѣнься въ мое платье, сходи къ нему!

Не хотѣла Ульяша итти на такое: тихая была, какъ монашка, глазъ не подыметь. А согласилась: очень любила Лушу.

И нарядїла ее Луша въ свое платье: все сняла съ себя и на нее надѣла, дала свой именной перстень.

И пошла Ульяша вмѣсто Лушки.

А тотъ къ ней, и слова не сказалъ, нащупалъ только кольцо и давай снимать. А кольцо было туго. Бился онъ, бился, взялъ съ пальцемъ и отрѣзаль, да въ карманъ себѣ. И еще схватилъ платокъ именной, на столикѣ лежалъ. И больше ничего. Скорѣй въ отправку. И слѣдѣй простыль.

Вернулась Ульяша на кухню,—только палецъ отрѣзанъ.

— Что же это значитъ?—ничего не могла понять Луша,—такъ долго приставалъ и только отрѣзаль палецъ!

На утро рассказала она свекру.

— Это не иначе,—сказалъ стариkъ,—какъ сынъ нашъ въ погибели. Не надо медлить, аѣхать намъ къ нему. Должно, поспорено тамъ чего-нибудь.

И въ тотъ же день собрались и поѣхали: свекоръ-стариkъ, Луша да Ульяша безпалая.

А тотъ ловкенькій, какъ пріѣхалъ домой, такъ прямо къ королю.

Собралъ король купцовъ, пригласилъ Василія.

— Ну, говориъ ты, что никому твоей жены не склонить, а я вотъ докажу!—и показываетъ перстень именной и платокъ.

Всъ повѣрили.

Василій повѣрилъ.

И приписали его къ смерти: завтра на плаху.

А къ ночи прибылъ въ ту землю—въ тотъ самый королевскій городъ, гдѣ торговалъ Василій, стариkъ-отецъ и съ нимъ Луша и Ульяша, и остановились они на ночлегъ у одного-то тамошняго человѣка.

— Что у васъ, дяденька, въ городѣ дѣется?—спросилъ старикъ.

— А завтрашній день русскій купецъ приписанъ къ смерти. Надо итти смотрѣть. Похвалился своей женой, что никому не склонить ее, а одинъ ловкачъ вызвался и доказалъ: принесъ королю именной перстень и платокъ. Завтра и будутъ вѣшать купца.

— А намъ, дяденька, можно сходить посмотретьъ?

— Какъ же не можно, коли по городу отданы объявки: всѣ должны итти смотрѣть.

Ночь тамъ не долго спалось. Рано утромъ пошли они въ собраніе. Оставилъ старикъ Лушу съ Ульяшемъ въ прихожей, а самъ вошелъ въ комнаты. И видитъ, сидитъ сынъ весь-то чернѣхонкій, черенъ отъ горя—сейчасъ смерть ему.

— Что у васъ за собраніе?—спросилъ старикъ.

— Да вотъ,—говорятъ,—купца надо вѣшать. Похвастался своей женой, что никто не склонить ее, а одинъ и склонилъ.

— Гдѣ тотъ человѣкъ? Покажите-ка мнѣ его сюда!

— Трецловъ!—кричать,—Трецловъ, выходи!

— Пожалуйста,—проситъ стариkъ,—приведите и тѣхъ изъ прихожей.

Привели Лушу и Ульяшу. Явился Трещовъ.

И рассказалъ стариkъ все, какъ было: какъ нарядила Луша въ свое платье Ульяшу и какъ Трещовъ палецъ у Ульяши отрѣзаль.

Ульяша показала руку—пальца нѣть, отрѣзанъ.

Вывернули карманъ у Трещова, гдѣ было кольцо положено,—карманъ въ крови.

И повеселѣлъ Василій.

И всѣ повеселѣли.

И освободили его, прощенья просятъ.

А Трещова—на висѣлицу. Ужъ петлю накинули.

— Стойте!—остановилъ Василій: простиль Трещова,—довольно и того человѣку, что на шею ему петлю накинули!

И отпустили Трещова.

А Василій получилъ отъ короля большую награду и сей-часъ же въ дорогу.

И дорогой, пока доѣхали до дому, много онъ спасибоvъ сказалъ женѣ. А дома наградилъ Ульяшу и навсегда ее оставилъ при домѣ жить. И стали они жить да поживать.

УМНИЦА.

Деревня была большая, девокъ много, а на бесѣду не пускаютъ. Безъ бесѣды молодому-то со стариками, что могила. Взяли девки да сами и выстроили избу у озера—свою, чистую просторную.

Ходятъ вечеръ, ходятъ другой, ходятъ третій.

И сначала-то будто и лучше, чѣмъ дома въ одиночку, а потомъ показалось скучно: парней нѣть,—не то не знаютъ, не то не хотятъ, ну, хоть бы какой зашелъ.

Вотъ и сидятъ вечеромъ девки одинъ и пѣсенъ не слышно.

— Хоть бы изъ озера кто пришелъ!—толкуютъ тихонько.

Скучно. Отъ скуки и не такое затолкуешь.

— А пускай изъ озера, все равно!—крикнула Орина: лята девка, страсть.

И оживилась изба: изъ озера, такъ изъ озера, только бы гости.

А ужъ стучать.

Отворили дверь—парни. И такие все нарядные, при часахъ и въ калошахъ. И сейчасъ за гармонью—завели игру.

И такъ стало весело, ну, въ жизнь никогда такъ не было весело.

А была у Орины съ собой на бесѣдѣ сестренка Улька. Сидѣла Улька на печкѣ, носикомъ такъ сторожила, и, видно, замѣтила что-то.

— Нянька,—кличетъ,— иди сюда-то!

— Что тебѣ?

— А посмотри-ка, нянька, глаза-то какие?

Тутъ Орину ровно холодомъ обдало: глаза-то у парней и вправду непростые, черезъ все лицо глазищи—и такъ и горятъ, а зубы—желѣзо.

— Какъ бы уйти намъ!—растерялась дѣвка.

— Я запрошусь, ты выведи меня, такъ и уйдемъ,—шепчтъ Улька.

Этакая, вѣдь, умница, догадалась!

Отошла Орина отъ печки—страшно!—а парни такъ за ней, такъ за ней кольцомъ и кружатъ, въ самую середку загнали: изъ всѣхъ, вѣдь, любѣй имъ Орина!

Тутъ слышно, Улька запросилась.

Ну, Орина сейчасъ же къ дѣвченкѣ, сняла ее съ печи. А парни-то загородили дорогу, не пускаютъ.

— Да что вы, отпустите! Прищимите мнѣ хоть сарафанъ дверью, никуда я не уйду!—ужъ на голосъ кричитъ Орина: страшно.

Согласились, выпустили, да не очень-то вѣрятъ: прищемили ей подолъ въ дверяхъ: ну-ка, уйди, поирабуй.

А она лямки съ плечъ, Ульку на плечи, да бѣжать.

Бѣжала, бѣжала, добѣжала до бани. И чуеть Орина, гонится одинъ за ней, вотъ-вотъ настигнетъ. Она въ банию. Стала, взмолилась къ баннику:

— Оборони отъ смерти!

Да съ Улькой на полокъ скоконула.

А изъ-подъ полка ровно шмыгнулъ кто, ухнуль, да въ дверь.

И такое поднялось тамъ, не дай Богъ,—драка: банникъ-то съ парнемъ. И дрались они, пока пѣвунъ не запѣлъ.

И все затихло.

Только свирчекъ.

— Нянька,—шепчетъ Улька,—пойдемъ домой!

И вышли онѣ изъ бани. Свѣтать стало, пришли домой.

А поутру хватились по деревнѣ дѣвокъ, никого дома нѣть. Собрались всѣмъ народомъ и къ озеру къ бесѣдной избѣ.

А тамъ,—тамъ только по полу костьѣ да косы—больше нѣть никого.

ЛѢШАЯ.

1.

Ефимъ ходилъ шить. Шитья не можетъ найти. И такая досада взяла, да и не ъвши тоже.

— Мнѣ бы хоть къ лѣщему!—махнулъ рукой.

И вдругъ стариkъ навстрѣчу и прямо на него, прищурился:

— Ты куда?

— А вотъ шитья ищу.

— А пойдемъ ко мнѣ. Есть одѣяло, пошить надо.

Обрадовался Ефимъ: нашлось—таки дѣло!

И пошли дорожкой: впереди стариkъ, за нимъ Ефимъ. Своротили въ сторону по тропкѣ—темно—и вышли на поляну.

А тамъ домъ—сколько Ефимъ по лѣсу ходилъ, мѣста знаетъ, а про такое не слыхивалъ—большинскій.

И ведетъ его стариkъ въ этотъ самый домъ. Встрѣчаетъ старуха: старая, одинъ только зубъ. Осмотрѣлся Ефимъ—богато живутъ!—а старика ужъ нѣтъ, старуха одна.

— Для чего,—говоритъ,—ты пришелъ?

— Шить. Меня хозяинъ шить позвалъ.

— Чего шить?—сердится.

— Одѣяло.

— Получше шей,—говоритъ,—чтобы понравилось. Вашего брата швецовъ сколько перебывало, все не нравятся. Только разстраиваете!—ой, сердитая.

И повела его старуха черезъ весь домъ переходами на другой конецъ въ пустую горницу.

Принесёт хозяин сколько овчинъ, ты всѣ и клади обрѣзковъ не дѣлай, да лапочковъ-то не отрѣзай!

Засвѣтила огонекъ въ горницѣ, постояла, посмотрѣла.

— Горе одно съ вами!—покачала головой на Ефима и пошла, ровно и не сердитая.

Остался Ефимъ одинъ—пустая горница, жутко—ужь дыхнуть боится, самъ не знаетъ, что и будетъ, одно знаетъ, бѣда.

2.

Утромъ принесъ старики овчинъ цѣльную ношу, сложилъ овчины въ углу, а самъ ушелъ.

И взялся Ефимъ одѣяло шить: раскладъ овчины по полу, такъ и старается, и нигдѣ никакихъ обрѣзковъ не сдѣлалъ, лапочковъ не тронулъ. За день поспѣло одѣяло.

Вечеромъ приходитъ старики: готово. Посмотрѣлъ, потрогалъ—понравилось.

— Вотъ что, Ефимъ, сшей-ка ты мнѣ еще тулупчикъ.

Доволенъ старики.

— Мнѣ бы изразокъ,—попросилъ Ефимъ,—чтобы въ акуратъ было.

— Завтра,—сказалъ старики,—теперь погуляй!—и пошелъ.

А какъ погуляешь,—дверь на запорѣ.

Ефимъ и постучалъ. Отворяетъ старуха, тоже довольна, хвалитъ.

— Понравилось! Молодецъ!

И повела его, вывела во дворикъ. Походилъ Ефимъ по дворику, повздыхалъ и опять назадъ въ горницу.

На утро принесъ старики на образецъ тулупчикъ и кусокъ сукна.

Вымѣрилъ его Ефимъ, каждое мѣсто, и къ вечеру сшилъ точно такой же.

И опять хозяинъ доволенъ.

— Сшей мнѣ еще рукавицы да шапку.

И такъ всякий день еще и еще.

Ужъ терпѣнья больше нѣть, извелся Ефимъ, а все шьетъ. И годъ и другой и сколько такъ мучился.

И только что старуха Лѣшачиха, выведеть его Усташовна по двору погулять.

— Смотри, Ефимъ,—учить старая,—станетъ тебя хозяинъ разсчитывать, спросить, много ль за работу надо, а ты не проси ничего, скажи: „Самъ, молъ, знаешь сколько, не изобидь“.

Кончилъ Ефимъ шитье, сидить въ своей пустой горницѣ, одну свою думу думаетъ. Входить хозяинъ.

— Ну, Ефимъ, много ль тебѣ за работу?

А Ефимъ ему, какъ Лѣшачиха-то учила, такъ и отвѣтилъ: сами, молъ, знаете, постарше меня.

— Клади,—говорить,—безобидно чтобъ было.

Понравилось старику, вышелъ онъ изъ горницы и скоро назадъ и не одинъ, а ведеть дѣвицу,—ну, просто бѣ глядѣлъ все время, вотъ какая!

— Дамъ,—говорить,—я тебѣ, Ефимъ, въ приданое за ней тройку п карету. И одежду тебѣ дамъ подъ вѣнецъ. Еще сто рублей деньгами.

Ефимъ ужъ и сказать ничего не можетъ, только кланяется.

— А еще привяжу колоколецъ къ дугѣ, сбрую на коней серебряную. А пойдешь къ вѣнцу, станутъ у тебя коней отнимать, а ты скажи, запомни: „Кабы гдѣ я шилъ, тотъ на это время бытъ!“ И все будетъ.

Простился Ефимъ съ хозяиномъ, поклонился Лѣшачихѣ.

— Спасибо тебѣ, Усташовна, безъ тебя пропасть мнѣ!

Да сѣль на тройку съ дѣвицей. Залились колокольцы, несутъ кони, сами на дорогу вывели.

3.

Пріѣзжаетъ Ефимъ домой, стучитъ въ ворота.

Старикъ отецъ отворяетъ.

— Господи, не клали и живымъ!—плачеть: радѣ-то очень.

— Какъ! Не живѣ? Я невѣсту привезъ.

Ну, долго не мѣшкали, на другой же день и за свадьбу.

Покатилъ Ефимъ на тройкѣ въ церковь. Стали вѣничать.

А народъ обступилъ тройку: кто на карету, кто на колокольцы, кто на сбрую, кто на коней—всякому въ диво.

— Стой,—говорять,—кони-то Ершовскіе, старосты.

Да къ старостѣ.

— Твои кони нашлись!

Пришелъ староста: кони точно его.

Кончилось вѣнчанье, вышелъ Ефимъ съ женою домою
ѣхать, а садиться-то въ карету имъ не даютъ.

— Гдѣ,—говорять,—ты коней взялъ? Ты ихъ укралъ?

Ефимъ клянется: свои. А тѣ свое: укралъ.

„Эхъ, кабы гдѣ я шилъ, тотъ на это время быль!“—
вспомнилъ Ефимъ.

А хозяинъ-то и смотритъ на него, Лѣшій, съ народомъ
стоитъ, откуда ни взялся.

— Что у тебя, Ефимушка?

— Коней отнимаютъ.

Старикъ къ старостѣ:

— Ты какъ,—говорить,—призналъ коней-то?

— Призналъ.

— А карету призналъ?

— Призналъ.

— А дочку-то? Аль не признаешь?

— Нѣть, говоритъ,—была у меня, да давно ужъ: грѣхъ
вышелъ, изъ люльки потерялась.

— Да это она и есть! Двадцать лѣтъ хранилъ я ее.
Вотъ тебѣ зять, принимай его съ дочерью. Зови жъ ихъ,
въ гости веди. И все ему отдай: хороший парень, работникъ!

И пропалъ. Туда-сюда, нѣть старика.

Тутъ староста Ефима за руку и дочь свою и повелъ къ
себѣ, и надѣлилъ Ефима—спасибо, что дочку вывелъ!

НЕСЧАСТНАЯ.

1.

Жилъ-былъ мужъ съ женой. Оба молодые. Жили они хорошо, ладно. И родился у нихъ Петюнька.

А проходила по тѣмъ мѣстамъ колдовка, приглянулся ей мужъ, ну, долго такой думать не надо, оборотила она жену рысью—убѣжала рысь—а сама на ея мѣсто и стала жить въ домѣ хозяйкой.

Съ чужимъ дитемъ колдовки ни любви, ни охоты, наняла она няньку. Нянька съ Петюнькой и возилась. Днемъ ничего, а по ночамъ горе—кричать ночь Петюнька,ничѣмъ его не утѣшишь. Жили они, какъ въ темницѣ.

Добрая была нянька Матвѣевна, жаль ей сиротинку. Пошла разъ колдовка по гостямъ, Матвѣевна и просится у хозяина.

— Отпусти,—говорить,—насть въ чисто поле погулять съ Петюнькой.

А онъ при колдовкѣ-то лютъ, на все сердце, а безъ нея прежній.

— Ну, что-жъ, идите съ Богомъ!

Пошла Матвѣевна въ поле, сѣла съ Петюнькой на межицу,—вольный воздухъ, чистое поле! И такъ горько ста-рухѣ: гдѣ-то мать, гдѣ несчастная рыщетъ?

Бѣгутъ полемъ рыси.

Матвѣевна—стойте!

— Рыси вы, рыси, сѣрыя рыси, не видали ли вы младенца матерь?

— Видѣли, видѣли,—говорятъ рыси,—во второмъ стадѣ бѣжитъ, горы молокомъ обливаетъ, лѣса волосами оплетаетъ.

И дальше побѣжали.

Бѣжитъ и другое стадо.

Тутъ и Петюнькина мать. Узнала, обрадовалась, одну шкурку съ себя скинула и другую скинула, взяла Петюньку себѣ на руки. Кормить и плачетъ—вѣкъ бы не разставалась!

Пришло время, и опять шкурки на себя надѣла, опять стала рысью и прощайтэ.

А Матвѣевна съ Петюнькой домой.

И всю ночь проспалъ Петюнька, ни разу и не всплакнулъ за ночь.

2.

На утро хозяинъ ужъ самъ посыпаетъ няньку.

— Подьте,—говорить,—въ чистое поле, погуляйте!

И пошла Матвѣевна въ поле, сѣла съ Петюнькой на межицу—вольный воздухъ, чистое поле!

Бѣгутъ полемъ рыси.

— Рыси вы, рыси, сѣрыя рыси, не видали ли младенца мать?

— Видѣли, видѣли,—говорятъ рыси,—въ третьемъ стадѣ бѣжитъ, горы молокомъ обливаетъ, лѣса волосами оплетаетъ.

И пробѣжали.

И другое стадо пробѣжало.

Бѣжитъ третье стадо.

Тутъ и Петюнькина мать. Обрадовалась, да скорѣе съ себя шкурки, взяла Петюньку себѣ на руки. Кормить и плачетъ—придеть срокъ и опять побѣжитъ она рысью!

А хозяину что-то скучно дома.

— Дай,—говорить,—пройдусь въ чистое поле.

И вышелъ и видитъ: въ полѣ на межицѣ кормить Петюньку, а за кустомъ и рыси шкурки висятъ, узналъ Наташу. И такъ ему ее жалко. Подкрался онъ потихоньку, снялъ съ куста шкурки, обложилъ сухимъ листомъ да и зажегъ.

А она почуяла.

— Что-то, — говоритъ, — Матвѣевна, смородомъ больно пахнетъ.

— А дома, видно, колдовка, перемѣну мужу жарить!— заплакала Матвѣевна: жаль ей сиротинку, еще жальче матери несчастной.

Пришло время, хватилась шкурокъ, а шкурокъ-то нѣть чигдѣ, и не во что ей одѣться.

Тутъ онъ и вышелъ.

Взялъ ее за руку.

— Пойдемъ домой, Наташа!

И повелъ ее въ домъ.

А ужъ колдовки и слѣдъ простылъ.

БЕЗСТРАШНАЯ.

Во всякой банѣ живетъ свой баникъ. Не поладиши,—кричитъ по-павлинии. У баника есть дѣти—банные анчутки: сами маленькие, черненькие, мохнатенькие, ноги ежиня, а голова гола, что у татарченка, а женятся они на кикиморахъ, и такие же сами проказы, что твои кикиморы.

Душа, дѣвка безстрашная, пошла ночью въ баню.

— Я,—говорить,—въ банѣ за ночь рубашку сошью и назадъ ворочусь.

Въ банѣ поставила она углей корчагу, а то шить ей не видно. Наскоро сметываетъ рубашку, отъ огоньковъ ей видно.

Къ полночи близко анчутки и вышли.

Смотритъ, а они мохнатенькие, черненькие у корчаги уголья, у!—раздуваютъ.

И бѣгаютъ и бѣгаютъ.

А Душа шьетъ себѣ, ничего не боится.

Побоишься! Бѣгали, бѣгали, кругомъ обступили, да гвоздики ей въ подолъ и ну вколачивать.

Гвоздикъ вколотить:

— Такъ. Не уйдешь!

Другой вколотить:

— Такъ. Не уйдешь!

— Наша,—шепчуясь ей,—Душа, наша, не уйдешь!

И видить Душа, что и вправду не уйти, не стать ей теперь, весь подолъ къ полу прибитъ, да догадлива дѣвка, начала съ себя помаленьку рубаху спускать съ сарафа-

номъ. А какъ спустила всю, да вонъ изъ бани съ шитой рубахой и ужъ тутъ у порога такъ въ снѣгъ и грохнулась.

Что говорить, любятъ анчутки проказить, а ужъ надѣлъ дѣвкой подыграть имъ всегда любо.

Выдавали Душу замужъ. Истопили на дѣвишникъ баню и пошли дѣвки съ невѣстой мыться, а анчутки—имъ своя забота,—они тутъ-какъ-тутъ, и ну бѣсить дѣвокъ.

Дѣвки-то изъ бани-то нагищемъ въ садъ и высыпали на дорогу и давай бѣситься: которая пляшетъ, да поеть что есть голосу не-вѣсть что, которая другъ на дружкѣ верхомъ ъздрята, и визжатъ и хоркаютъ по меренячыи.

Едва смирили. Пришлось отпаивать парнымъ молокомъ съ медомъ. Думали, что дѣвки бѣлены обѣлись, смотрѣли,—нигдѣ не нашли. А это они, это анчутки ягатые, нашекотали усы дѣвкамъ!

Дурная молва пошла, перестали баню топить.

Приѣхалъ на ярмарку кумъ Бубловъ печникъ, сорви-голова, куда сама Душа! Вздумалъ съ дороги попариться, его страцаютъ, а ему чего—Бубловъ!—и пошелъ въ баню.

Поддалъ, помоталъ вѣникъ въ пару, хвать—съ вѣника дождикъ льетъ, взглянулъ, а онъ въ сосулькахъ. Какъ бросить вѣникъ, да съ полка хмыль изъ бани, прибѣжалъ въ горницу.

— Ну, говоритъ,—теперь вѣрю, что у васъ за бanya.

— Это тебѣ, кумъ, попритецись, видно!—смѣются.

Ну, при честномъ народѣ разсиживаться нагищемъ не очень годится, сходили въ баню за Бубловой рубахой и штанами, принесли узелокъ. Развернули, а онъ всѣ-то въ ленетки изорваны. Такъ всѣ и ахнули.

Вотъ, они какіе, анчутки банные.

А малымъ ребятамъ они ничего не дѣлаютъ, и днемъ при нихъ не скрываются, по своимъ дѣламъ ходятъ, какъ при своихъ, черненькие такие, мохнатенькие, ноги ежиняя, а голова гола, что у татарченка.

ОБИЖЕННАЯ.

Дѣвки устроили съ парнями вечеринку. И началось неладомъ: однѣ дѣвки своихъ парней больше пригласили, что любы имъ были, а тѣхъ не пригласили, которые другимъ были любы, ну, и разожглись другъ на друга. И хоть съ виду и помирились, и пошло, какъ ни въ чемъ, веселье—плясъ и смѣшки, и хихиньки, да въ сердцѣ-то затаили.

Однѣ дѣвки своимъ парнямъ пѣсни поютъ, другія—своимъ, парни пьютъ да дѣвокъ потчуютъ. А какъ подпили, ужъ все перемѣшалось, только стонъ стоитъ. И чего-чего не вытворяли, на какія выдумки не пускались, а все будто мало.

Тутъ сердце-то и заговорило: одна обиженная дѣвка и прищепни счастливой, а той—море по-колѣно. Подговорила та свою подругу, одѣлись, да тихонько изъ избы и вышли. И—вѣдь что придумать!—на кладбище пошли дѣвки, вынули тамъ двухъ мертвцевовъ изъ общей могилы, завернули мертвцевовъ въ рогожи, да на своихъ косахъ и приволокли въ избу, да за печку ихъ и поставили.

А сидѣла на печкѣ дѣвченка Машутка и все видѣла,—испугалась дѣвченка мертвцевовъ,-то, молчитъ, прижалась въ уголокъ, сердешная.

Дѣвки вошли въ горницу, посмѣиваются, а никому и не вѣдь догадѣ, что тамъ за печкой, какіе такие гости пожаловали.

Ужъ стали мертвцы пошевеливаться.

— Что, братъ, разогрѣваешься?

— Разогрѣваюсь, братъ.

— И я, братъ, разогрѣваюсь.

Машутка-то на печкѣ не пикнетъ, а вся изба, ей горя нѣть, пляшетъ, ой, весело!

Въ самую полночь дѣвка обиженная, что на такое дѣло надоумила, и говоритъ подругамъ счастливымъ:

— Спойте вашимъ молодцамъ пѣсенку, да повеселѣй, плясовую!—сама подмигиваетъ: понимай, какимъ молодцамъ запечнымъ!

Дѣвки и запѣли пѣсню веселую. И проняла до сердца мертвцевовъ пѣсня: мертвцы вдругъ стали огненные, какъ головни горящія, лзыки высунули, изо рта пламя пошло, жупель, а сзади вытянулись, помахиваются хвосты собачьи.

— Какъ ихъ въ пѣснѣ-то стали величать, какъ они изъ-за печки-то выскочатъ, да въ горницу, и давай плясать по-своему и кривляться, и ломаться, и кувыркаться, да дѣвокъ и парней лягать, пламенемъ, жупеломъ палить, да за бороду да за косы рвать.

Куда тебѣ и хмель вонъ, ноги подкосились: кто гдѣ стоялъ, такъ тутъ ничкомъ и грохнулся.

А мертвцы, знай, пляшутъ, не могутъ стать—дали имъ волю, и рады бы, не могутъ, пляшутъ—половицы вонъ изъ полу летятъ, посуда прыгаетъ, все вдребезги, все въ чепраки.

До пѣтуховъ мертвцы плясали и, какъ запѣль пѣтухъ, такъ сквозь землю и провалились, инда земля застонала.

По утру пришелъ народъ, смотрятъ—кто безъ головы, кто безъ руки, кто безъ ноги, кто безъ бороды, кто безъ косы, и все мертвы, а посреди избы—урвина, сама бездонная, дна не достать.

А Машутку сняли съ печки, едва откачали дѣвченку: и! напугалась-то какъ, сердешная! Машутка про все и рассказала.

ШАВАЯ.

Шли двѣ богомолки къ святымъ мѣстамъ помолиться, пристала къ нимъ третья,—баба какъ баба, а голосъ мужичий, все словно съ дубу рветъ, и ни разу въ дорогѣ не перекрестилась.

Шли, шли, стали къ монастырю подходить, а эта самая ихъ товарка, Богъ ее знаетъ, отстала. Оглянулись богомолки, что больно долго, а та себѣ въ землю грязнеть: что ни ступить, то больше уходитъ, и ушла по поясъ.

Богомолки со страха пятиться,—пятились, пятились, да задомъ и побѣжали, добѣжали до монастыря, схватили монаха, да съ монахомъ назадъ.

— Кайся, окаянная, что ты сдѣлала!

А та себѣ грязнеть, едва языкомъ воротить.

— ... и мѣсяцъ не разъ скрадывала, и людей портила!— и больше языкъ ужъ не повернулся.

— Будь ты отнынѣ и до вѣку анафема проклята!—какъ крикнуть, она и пошла сквозь землю, да съ гуломъ, да съ шумомъ!

И на томъ самомъ мѣстѣ голъ-камень оказался, проклятое мѣсто.

СЕРДИТАЯ.

1.

Это было въ давнишнія времена, когда еще господа надъ подданными своими мудровали, а подданные рабы господъ своихъ слушали.

Жила-была барыня Закутина и до того сердитая, ни чѣмъ не угодишь. Придетъ по утру староста спросить чего, нарядъ какой дать,—и безъ того, чтобы не отхвостнуть человѣка, ни по чемъ не отпустить. То староста, а ужъ простому и совсѣмъ житъя не было—драла, какъ собакъ.

И ничего народъ придумать не могъ, какъ изъ бѣды выйти,—ну, хоть бы отдыхъ какой положенъ былъ, ну, праздникъ, все едино: лупь, крикъ и дѣрка, хоть пропадай.

Какъ скотъ самый изнавозный, такъ и жили.

Проходилъ солдатъ домой на побывку, заночевалъ въ деревнѣ. Съ вольнымъ человѣкомъ и отвели душу,—все ему рассказали про свое житье-бытье подъ барыней.

— Эко горе! — говорить солдатъ, — да я вамъ ее такъ размягчу, что твой пухъ станетъ.

— Сдѣлай милость.

— А не найдется ли у васъ мужика какого самаго разсердитаго.

— Есть, есть, какъ же! Сапожникъ Федосей.

— А баба-то его какъ?

— Анисья. Хорошая баба.

— Очень лютъ?

— Не дай Богъ.

— Ну, ладно, только, братцы, уговоръ: что скажу, то и дѣлай, согласны?

— Согласны.

Послалъ солдатъ въ усадьбу отыскать вѣрнаго человѣка. И явился такой,—лакей Закутинскій. Солдатъ ему сонныхъ капель: какъ барыня на ночь будеть чай пить, чтобы этихъ самыхъ капель барынѣ въ чай и подпустиль, а какъ заснетъ барыня, сейчасъ же ее въ коляску и везти, не будя, на деревню къ сапожнику. А къ сапожнику отрядилъ солдатъ другого человѣка съ каплями для Анисы.

И какъ ночь пришла, барыню Закутину съ Анисѣй и обмѣняли: Анисью въ усадьбу на барынину кровать, а барыню къ Федосею подъ бокъ.

2.

По утру проснулась Анисья. Видѣть, чистота кругомъ, престоръ, думала, на тотъ свѣтъ попала. Плохо ей было въ той жизни съ Федосеемъ,—ой, мужикъ, страсть, весь, какъ въ барыню!—и такая вдругъ тишина, За терпѣніе, видно, послалъ ей Богъ перемѣну.

И пока она иѣжилась да Бога благодарила, вошли служанки: умываться.

И полотенце несутъ.

„Господи, до чего дослужила!“ — удивлялась всему Анисья.

А умылась, самоваръ подаютъ.

„Откуда берется!“

Сѣла чай пить. Староста на цыпочкахъ входить, кланяется.

— Я, барыня, къ вамъ пришелъ спросить, какой нарядъ дадите, что работать?

А Анисья и не знаетъ, что отвѣтить-то.

— Что вчера дѣлали, то и сегодня дѣлайте! — да сама стала, поклонилась старостѣ.

Пошелъ староста.

„Вотъ такъ барыня!“

А какъ барыня настоящая пробудилась у сапожника, кричить:

— Дармоѣды!

Ѳедосей сидить шьетъ, да какъ вскочить со стула, сдернуль съ ноги ремень.

— Нешто не знаешь своей должности, несчастная. Тони печь!

Барыня-то ушамъ не вѣритъ, думаетъ, попала въ адъ. И все это свое вспомнила, да поздно, и живо съ кровати да за дровами, принесла дровъ, затопила печь.

„Господи, вотъ чего заслужила-то“!

3.

Съ мѣсяцъ такъ провели время. Анисья жила, какъ въ царствѣ небесномъ, Бога благодарила, а барыня Закутина у Ѣедосея, какъ въ пеклѣ, въ работѣ и попрекахъ. Ну, что-жъ, видѣть солдатъ, прокъ есть. Созвалъ собраніе.

— Что, братцы, не пора ли обмѣнить?

— Пора.

И опять велѣлъ солдатъ сонныхъ капель обѣимъ съ чаемъ дать, и, какъ заснуть, перенести.

Такъ все и сдѣлали.

И попала Анисья на старое мѣсто къ Ѣедосею, а барыня къ себѣ въ усадьбу.

И съ той поры сдѣлалась барыня мягкая-размягкая: не то, что драться, а и крикнуть боялась. А Анисья съ сапожникомъ вѣкъ доживала — судьба такая: въ ея долѣ и солдатъ не поможетъ.

НЕЛЮБАЯ.

1.

Выйдетъ Сошка на дворъ—одна, ни души,—и ударитъ ей по сердцу.

Съ мужемъ неудовольствіе было все: наговорять старики на невѣстку, не люба она имъ, въ домъ пускать къ себѣ не хотѣли, нагородятъ невѣсть что, ну, и онъ къ ней спиной.

Вспомнить Сошку обиду.

— Все равно пропадать — повѣшусь! Или ножомъ полоснуть?

А потомъ жалко станетъ, раздумается.

— Можетъ, п ничего, поправится.

А тутъ во дворѣ-то, Дуняшка-кобыла, Жучка, Маруська—станеть мило, погладить коровъ. Погладить, поплачетъ. Поплачетъ—отойдетъ слезами. И въ домъ.

А какая Сошка желанная, какая умница, — цѣны ей нѣть.

И за что это стариkъ-то со старухой? Въ чемъ провинилася? Чѣмъ недовольны?—клещать и клещать. А и Сергѣй хорошъ! Всему вѣрить.

Котъ трется къ Сошкѣ, курлычетъ: отъ него, кота, Сошка только и видитъ ласку.

— Ой, Василій, одинъ ты другъ, колобунъ усатый!—погладить кота да за работу.

А какая Сошка работница, какая умница,—цѣны ей нѣть!

Пріѣхали изъ гостей въ чистый понедѣльникъ—отъ отца, отъ матери Сошки.

Вечеромъ старика на сходъ кликнули, а старуха не на-долго вышла на бесѣду.

Сошка сидѣтъ у огонька, прядеть.

Послѣ родимой Головлинки, дома родного, ой, какъ постыло!

Старуха вернулась и сама сѣла прясть.

Ой, какъ постыло, нелюбой! А на сердцѣ—ни словъ, ни слезъ.

Подняла глаза Сошка—старуха прядеть, мужъ спить,—у, постылые стѣны! И ударило по сердцу:

— Все равно!

Сошка засвѣтила огонька да въ сѣни... Отыскала ве-ревку мочальную простую, наладила петлю, перекинула ве-ревку черезъ переметъ,—петлю на шею. Приладилась. За-хватилась руками за веревку...

Вдругъ слышитъ старуха, невѣстка какъ блюетъ.

— Видно, пива напилась!

И опять слышитъ: что-то неладно. Стала старуха, засвѣтила огонька, съ огонькомъ въ сѣни.

А мужъ дрыхнетъ, ничего-то не чуетъ: это съ блина такъ ему спится сладко,—хороши были блины въ Головлинкѣ!

— Ой, батюшки! Господи поми-лу-уй!

Старуха назадъ въ избу, тычется отъ страха, да къ сину.

Сергѣй догадался: неладно,—выскочилъ въ сѣни.

А тамъ Сошка.

— Охъ, шельма, что дѣлаешь!

Стоитъ Сошка подъ переметомъ, петля на шеѣ. Еще туже захватилась за веревку,—Сергѣй и рука ей разжать не можетъ.

— Шельма!

Что дѣлать? Скорѣе за переметъ, жердь снялъ,—тутъ она веревку и отпустила.

И пала она номаленьку на-земль, иелюбая, иелюбыми глазами къ сырой землѣ: ей все равно.

Сергѣй ее за подпазушку и потащилъ въ избу.

Старуха-то этакой бѣды отъ роду не слыхала: нынѣшний народъ что дѣлаетъ.

— Ой, батюшки! Господи, помилуй!

Притащилъ Сергѣй чанъ съ водой, самъ побѣжалъ на сходъ за старикомъ.

Осталась одна старуха: зачерпнетъ кружку, приладится ленуть на Сошку, а та—той все равно—кружку-то рукой и оттолкнетъ къ дверямъ.

— Да, что ты, дура, проливаешь воду-то?

Не понять старухѣ. Подыметъ она съ полу кружку, зачерпнетъ и только-что приноровится, а та опять—той все равно.

Билась, билась, старуха, бросила.

А Сошка лежитъ—не шевельнется, не скажетъ,—какъ мертвая.

— Ой, батюшки! Господи, помилуй!

3.

Вотъ и бѣгутъ со схода: сотскій, десятскій и полицеїскій со старикомъ, да съ Сергѣемъ.

А Сошка лежитъ—не шевельнется, не скажетъ—какъ мертвая.

Постояли надъ ней, постояли. Ну, что они могутъ сдѣлать?

— Сергѣй,—говорятъ,—поѣзжай за попомъ.

— Ой, батюшки! Господи, помилуй!—тыкалась старуха.

Сергѣй живо къ попу.

— Хозяйка очень трудна.

Попъ ъхать не хочетъ.

— Пущай до утра. Помретъ, похороню.

Такъ и вернулся.

А Сошка лежитъ—не шевельнется, не скажетъ—какъ мертвая.

— Чего-жъ ты не сказалъ, что изъ веревки вынули?

И погнали назадъ къ почу.

— Батюшка, мы, вѣдь, ее изъ веревки вынули.

Ну, попъ и поѣхалъ:

— Какъ ее зовутъ?

— Софьеи.

Попъ велѣлъ всѣмъ выйти: исповѣдать, значитъ, надо.

А какъ вышли и остался попъ одинъ съ Сошкой—
Сошка, какъ мертвая,—взялъ онъ ее за руку.

— Софья! Софья!

— Что, батюшка?—тихо отозвалась Сошка.

— Что ты это дѣлаешь?

Сошка открыла глаза, приподняла голову: ничего незамѣтно, только на шеѣ подъ горломъ мѣсто красненькое.

— Невыносно!

Тихо она это сказала: „невыносно“,—а и вездѣ было слышно, и въ сѣняхъ, и на дворѣ тамъ—„невыносно!“

— Ой, батюшки! Господи, помилуй! — тыкалась старуха.
Сошка стонала.

Попъ благословилъ и вышелъ. Велѣлъ Сергѣю за докторомъ ѿхать. А самъ домой.

Пока-что дали лошадямъ маленько перехватить, пока-что, подошла полночь.

А Сошка опять лежить, какъ мертвая.

Собрался Сергѣй: пора ѿхать.

Вдругъ она сѣла.

— Не ѿзди!

И такъ хорошо говорить стала, все просила не ѿздить:
ночь, вѣдь!—словно съ ней ничего и не случилось.

Сергѣй положилъ шапку: стало быть, не ѿхать!

И пошелъ лошадей распрягать.

А она на печку.

И больше ни слова.

Хотѣлъ было сотскій ее разспросить, дознаться,—молчить.

— Ахъ, каналья, каналья!

Такъ и разошлись: сотскій, десятскій и полицейскій.

И остался старикъ со старухой да мужъ, да на печкѣ Сошка.

Всѣ заснули, спать, не спить одна Сошка.

— Невыносно!—и красный знакъ на шеѣ жжетъ.

ДОШЛАЯ.

1.

Пристала Анёиса къ Синкриту:

— Уходи жену, а со мной обвѣнчаемся!

Анёисъ полвѣка годовъ, вдовая, покойного мужа-то, скаживаются, заколотила въ гробъ, баба дошлая.

Худо жилъ Синкритъ съ женою: Агафья и молодая, да послѣ Машутки надорвалась, видно, таяла, какъ свѣчечка.

Синкритъ и давно-бъ уходилъ Агафью, да какъ такое дѣло обдѣлать не сразумись, а, главное Машутка: все смотритъ—дѣвнадцатый годъ дѣвченкѣ—все понимаетъ.

А Анёиса свое ладить:

— Уходи жену, а со мной обвѣнчаемся!

2.

Вечеромъ вышла Агафья въ хлѣвъ задать корму коровѣ. Дѣвочка въ домѣ за работу сѣла.

На волѣ снѣжокъ шелъ.

Вотъ Синкритъ, не будь глупъ, взялъ веревку, да въ хлѣвъ. Подкрайся съ веревкой къ Агафьѣ, да сзади на шею ей и набросилъ веревку. Дернуль—петля есть!—и потащилъ.

Агафья не пикнула.

Выволокъ ее на дворъ—дѣло чистое.

Агафья не пикнула, ошеломило ее вдругъ, да руки-то какъ-то сами подъ веревку: руки-то она подъ веревку и подложила.

Машутка вдругъ слышитъ, на дворѣ мать кричить, ой, какъ кричитъ! Застучала тамъ Машутка, въ домѣ-то, Синкритъ поскорѣй веревку съ Агафы и сдернуль.

Машутка изъ избы на дворъ.

А мать ровно и не дышетъ, бѣлая такая стала.

— Тятя, чего ты? Тятя, чего ты? — ухватилась дѣвченка за отца: поняла, отъ него это.

И сама, какъ мать, стала бѣлая.

Притащили Агафью въ избу.

Туть Машутка догадалась, да за снѣгомъ. На волѣ снѣжокъ шелъ. Принесла снѣгу и ну матери въ ротъ класть и оттирать ее всю. Агафья вздыхать стала. А та третъ ее и третъ. И заговорила. За попомъ просить послать: худо ей.

А Анёиса туть-какъ-туть: она себѣ чуетъ. И сейчасъ же мужика въ аптеку погнала за лѣкарствомъ.

Пришелъ попъ, исповѣдалъ Агафью: она ему все рассказала, и какъ мужикъ лаяль и какъ давиль.

— Мнѣ, — говоритъ, — одинъ конецъ, натерпѣлась, Машутку жалко, некому дѣвченку и напутствовать, мачиха-то забѣть!

Попъ причастилъ и ушелъ.

Къ ночи вернулся изъ аптеки Синкритъ, привезъ лѣкарство. Тамъ ему велѣли по капелькѣ давать, а онъ налилъ полрюмки.

Поутру стали — Агафья умерла.

3.

Всѣмъ распоряжалась Анёиса.

Обрядили покойницу. Синкритъ къ попу.

— Вотъ что, Синкритъ, знаю я, отчего она умерла. Ты ее давиль!

А Синкритъ ровно оглохъ.

— Надо похоронить.

— Не стану хоронить! — и выгналъ попъ мужика.

Что дѣлать? Безъ попа похоронить невозможно. Перепугался Синкритъ, кабы еще бѣды не было. А тутъ Машутка, смотритъ дѣвченка, все понимаетъ.

— Тятя, чего ты? Тятя, чего ты?

Да Анейса-то не такая, у ней на все есть догадка, дошлая: погнала мужика въ городъ къ становому за похоронной.

Поѣхалъ Синкритъ въ городъ, добился до станового. Троє сутокъ прошло, похоронную досталъ.

— Слава Богу, похоронная есть!—перекрестилась Анейса.

Все по ее. Теперь съ похоронной къ попу, что скажеть?—похоронную если принесъ, хоронить надо.

И похоронили Агафью.

А послѣ Христова дня обвѣнчалъ попъ Анейсу съ Синкритомъ.

ДРУГЪ.

1.

Ходилъ Василій въ лѣсу за охотой, идетъ и слышитъ, въ лѣсу шумъ. Сталъ подходить—тише и тише.

Медвѣдь напалъ на разбойника и разбойникъ не можетъ оборониться отъ медвѣдя.

Василій прицѣлился въ медвѣдя и убилъ.

Разбойникъ высвободился, отряхнулся.

— Ахъ, голубчикъ,—говорить,—освободиль ты меня отъ смерти, приходи завтрашній день на это самое мѣсто, я тебѣ за добро добромъ отплачу, да приводи друга, лучше котораго у тебя нѣтъ на свѣтѣ.

Вернулся Василій домой, рассказалъ старикамъ. У Василія отецъ, мать да жена—все и семейство.

— Посулилъ разбойникъ добра мнѣ, только чтобы друга привель, котораго на свѣтѣ нѣтъ лучше.

Потолковали, потолковали, а не знаютъ, кого посовѣтовать, и кто это другъ самый лучшій?

А жена и говорить:

— Да возьми меня, чего еще лучше?

Вѣрно, чего лучше, и толковать не стоило.

2.

На другой день и пошли.

И приходятъ на то самое мѣсто, а разбойника нѣтъ.

— Обманулъ, видно, разбойникъ. Разбойникъ и есть!

А подождать все-таки не мѣшаетъ. Мало-ли, и разбойникъ, а тоже дѣла, дѣла, можетъ, задержали разбойныхъ. Покончить и явится.

Сѣли они на полянѣ. Распарило тепломъ. Онъ ей голову на колѣни и заснулъ.

Приходитъ разбойникъ.

Посмотрѣлъ разбойникъ на Василія, посмотрѣлъ на Дуню.

-- Не понимаю,—говорить,—и что за охота съ такимъ худымъ жить? Ты выйди за меня замужъ, будешь у меня барыней!

А самъ смотритъ—вoloѣмъ, здоровущій парень.

— А куда я мужика-то дѣваю?—оскалилась Дуня.

— А на, возьми мою саблю, отруби ему голову.

Дуня взяла у разбойника саблю, размахнулась, а разбойникъ въ ту минуту ружье подставилъ, она саблей и ударила о ружье.

Ружье сбрыкало, Василій проснулся.

-- Вчера ты меня отъ смерти спасъ, а сегодня я тебя!—сказалъ разбойникъ.

А Василій спросонья ничего не разберетъ: видитъ, сабля валяется, и Дуня перепуганная.

Разбойникъ все ему и рассказалъ.

— Я же тебѣ говорилъ, приводи самаго лучшаго друга. Ну, привелъ бы собаку! Собаку вдругъ не прикормишь, она-бѣ зачуяла и залаяла, ты бы и проснулся.

ТОЛОКНО.

1.

Жилъ одинъ мужикъ степенный Павелъ Андреичъ, первый охотникъ. Одно горе, съ глущинкой. Все за охотой: не зайца, перо приносиль—добычу. Кормилъ жену тетерками да рябцами.

А жена Анисья, баба молодая, веселуха. Болтали про Анисью, непутно говорили, что при мужѣ тихоня, а за глазами вѣтеръ.

Дошло до Павла,—что ему дѣлать? Конечно, надо пропроверить: мало ли чего ни наскажуть и такъ, здорово живешь, и по злобѣ.

„Не страшень звѣрь, отъ человѣка жди лиха. Скорѣй звѣрь дрогнетъ, человѣкъ не поведеть усомъ!“—про это хорошо зналъ Павелъ, первый охотникъ.

Ходилъ Павелъ въ лѣсу, все думалъ.

И какъ бы это такъ ему дознаться, чтобы своими глазами увидѣть, правду о женѣ говорять люди или зря?

Попало ему въ лѣсу дупло большое.

„Стой,—думаетъ,—дай замѣчу, это мнѣ кстати!“.

Замѣтилъ дупло и домой.

А Анисья ластится.

— Что, муженекъ, много-ль настрѣлялъ?

— Чего настрѣлялъ? Не въ этомъ дѣло. А вотъ нашелъ я дупло, въ дуплѣ дуплянское чудо. Что тебѣ хочется, все исполнитъ.

— А гдѣ это, Павелъ, чудо?

— А какъ выйдешь въ лѣсъ, такъ на лѣвую руку за орѣшней, тамъ и будеть дупло, тамъ это и есть. Подойди къ дуплу, да попроси, да поусерднѣй проси. Что тебѣ надо, все исполнить.

Ничего не сказала Анисья. Тихая такая стала, рано и спать легла. Или головушка болитъ?

2.

Спозаранку поднялась Анисья, да къ двери.

Смекнула Павелъ.

А указалъ ей давеча Павелъ дорогу къ дуплу кривлѣмъ, и какъ только Анисья за дверь и онъ за ней, да прямикомъ. Живо до дупла добѣжалъ и въ дупло.

Сидить въ дуплѣ, ждетъ.

Пришла Анисья. Стала на колѣни.

— Баба я молодая. Ну, какое житье мнѣ со псомъ моимъ окаяннымъ? День-деньской на охотѣ. А вернется, дрыхнетъ. Позовешь, не слышитъ, тронешь, не шевельнется. Баба я молодая... Дупляинское чудо, ты слышишь?

А Павелъ ей изъ дупла толстымъ голосомъ:

— Чего тебѣ надо, все сдѣлаю.

— Глухой у меня пёсъ, ослѣпи его, будь милосердный!— и до трехъ разъ кричала Анисья, стучала головой о корневище:—ослѣпи! ослѣпи! ослѣпи его!

— Ступай, баба, съ миромъ. Затопи печку. Пеки оладьи да мажь помасленїе. Твой мужъ ослѣпнетъ. Черезъ трое сутокъ съ масла совсѣмъ слѣпой будетъ.

Поклонилась дуплу Анисья: не узнать—какъ повеселѣла!

Тутъ тихонько выскоилъ Павелъ да прямикомъ и послѣдний домой до жены.

Степенный былъ мужикъ Павелъ, разсудительный, первый охотникъ, а тутъ и безъ масла ровно ослѣпъ. Или не слышалъ, на что пеняла Анисья?

Вернулась Анисья.

— Гдѣ, жена, пропадала?

— У сосѣдки.

И не можетъ скрыться, такъ вся и пышеть.

Затопила Анисья печку, стала печь олады. И давай поливать ихъ масломъ, да Павлу этакую миску.

— Кушай, муженекъ, на здоровье!

Павель и ну уписывать.

— Что-то у меня, жена, глаза стягиваетъ.

А Анисья схватила масла и еще прибавила.

— Щьшь, щьшь масленъе. Ходиль въ лѣсу, усталъ. Поѣшь, отдохнешь и все проѣдетъ.

Сама, знай, прибавляетъ масла.

Съѣлъ еще Павель оладьевъ—все лицо въ масль.

— Что-то, жена, совсѣмъ плохо вижу: двоится.

Степенный бытъ мужикъ Павель, разсудительный, первый охотникъ, а тутъ ровно и вправду со сладкаго масла ослѣпъ. Или не слышалъ, на что пенчла Анисья, не чуялъ, съ чего сама, какъ оладья, пышетъ?

И на другой день тоже, опять олады. И на третій олады, да все жирно, да съ масломъ.

На третій день ослѣпнетъ Павель.

Ждетъ не дождется Анисья, зарумянилась вся.

— Ну, Анисья, я теперь ничего не вижу.

Повѣрила Анисья.

— Чего ты говоришь?

— Ой, ничего-то не вижу. Будешь ли ты меня поить-кормить, слѣпого?

— Буду, буду, не беспокойся. Вотъ какъ буду!

Ужъ какъ рада Анисья.

Да и, въ самомъ дѣлѣ, она будетъ ходить за Павломъ. Богъ съ нимъ, только бъ воля. А теперь ей воля: не слышать Павель и вотъ не видитъ—ослѣпъ.

3.

Прибралась Анисья, умылась.

Въ избѣ выметено, вычищено—чисто, любо взглянуть.

И до чего это воля человѣка красить!

Сѣѣгала Анисья къ дружку. Привела дружка, усадила за столъ: полонъ столъ угощенья.

— Кушай, Саша, кушай, голубчикъ!

Ну, тотъ всего попробовалъ.

— Еще чего не хочешь ли?

А дружокъ и говоритъ Анисьѣ:

— Всѣмъ я доволенъ. А хочется мнѣ толокна, замѣси, пожалуйста, я закушу.

Анисья проворно за толокно: сейчасъ и готово.

— Маслица бы немножко!

— Нѣтъ, нѣтъ, что ты! Отъ масла ослѣпнешь: мой-то отъ масла ослѣпъ. Погоди, я тебя послаше угощу.

Былъ на деревнѣ кабакъ. Анисья въ кабакъ и побѣжала: угостить она дружка послаше.

А Павель лежитъ на печкѣ, ружье около—и въ гробъ завѣщаю ружье съ собой положить. И какъ вышла Анисья, онъ за ружье, да въ дружка—хорошо стрѣлялъ Павель, первый охотникъ—такъ дружка на мѣстѣ и уложилъ. Самъ соскочилъ съ печки, закаталь такой вотъ комъ толокна, напихалъ ему полонъ ротъ, да опять на печку. И лежитъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Вернулась изъ кабака Анисья, а дружокъ—полонъ ротъ толокна. Позвала не слышитъ, тронула и не дрыгнетъ.

Вотъ тебѣ толокно какое!

ПРОКЛЯНУТАЯ.

1.

Богатый жиль мельникъ Рябовъ—мельница въ трехъ верстахъ оть деревни. И былъ у мельника сынъ, парень на всѣ руки, балалаешникъ. Разъ ввечеру посылаетъ мельникъ сына.

— Поди,—говорить,—Саша, сходи-ка на мельницу.

Забралъ Александръ балалайку и пошелъ. И тамъ засыпалъ молотье, а самъ въ избушку, сѣлъ на лавку да за балалайку. Сидитъ себѣ, играетъ и не замѣтилъ, какъ подошла полночь. А въ полночь будто вѣтеръ—полосой прошелъ по избѣ вѣтеръ. Поднялъ глаза, глядь—пляшетъ...

Залюбовался Александръ—этакая красавица,—и звончѣе пустилъ плясовую.

Плясала—подымала руки—плыла, заплывала, а то, какъ волчокъ.

— Какъ звать тебя?—крикнулъ Александръ.

Та засмѣялась:

— Настасьей!

Да на него, что метелица, вотъ-вотъ вышибеть балалайку, такъ и кружить, и кружить.

Александръ протянулъ руку—дай ухвачу—да носомъ въ полъ и ткнулся.

И нѣть въ избѣ никого.

Ночь. Вода гремитъ на плотинѣ.

Александръ положилъ балалайку и до утра просидѣлъ въ избушкѣ, все прислушивался, ждалъ: не придетъ ли?

Нѣтъ, вода гремитъ на плотинѣ.

Вернулся Александръ домой, думаетъ:

„Возьму молотья на двѣ ночи, доберусь, такъ не выпущу.“

А отецъ и говоритъ:

— Что ты, милый сынъ, не женишься, пора бы.

— А вотъ дайте, невѣсту выберу.

— Гдѣ же сынокъ, выбирать-то будешь?

— Да у насъ же, на мельницѣ.

Ничего старики не сказалъ: балагуръ и смѣхунъ Александръ, на всю деревню славился.

Къ ночи пошелъ Александръ на мельницу, засыпалъ восемь мѣръ молотья, да въ избушку и опять за балалайку.

И въ полночь опять ровно бы вѣтромъ,—и заходила изба.

Настасья плясала еще пуще, еще краше.

Александръ положилъ балалайку, привсталъ: ну, сейчасъ такъ и схватить. А она у него изъ подъ рукъ—и нѣтъ никого.

Ночь—ой, какая это долгая ночь!—шумъ, гремитъ вода на плотинѣ.

— Ну, ладно жъ, теперь не уйдешь.

И рѣшилъ Александръ: очень-то не разбавляться, а какъ явится, такъ прямо и хватать.

На третью ночь такъ и сдѣлалъ.

Въ полночь на звонъ балалайки появилась Настасья, зашла въ середку, онъ балалайку обѣ полъ, тутъ и попалась.

— Ну, никому не отдамъ.

А она:

— Умѣлъ схватить, умѣй и замужъ взять.

— А гдѣ ты живешь?

— Ты скажи своему отцу: я нашелъ себѣ на мельницѣ невѣсту.

— Домъ твой?

— Въ плотинѣ.

Александръ разжалъ было руки. Да опомнился: нѣтъ, другой ему никакой не надо.

— Будутъ къ тебѣ на свадьбу проситься, отецъ твой богатый, вся кому любо попировать на твоей свадьбѣ, но

пойдеть васъ троє, ты, крестный да кучеръ, а больше никто не пойдетъ. Да закажи попу, чтобы встрѣтилъ на полдорогъ съ крестомъ. Да купи ты себѣ тройку вороныхъ жеребцовъ—съ мѣста, что есть прыти, бѣжали бы. Любишъ меня?

У Александра духъ захватило: да кого же еще?

— Проклянутую?

Рванулась,—и нѣть никого.

Ночь. Вода гремитъ на плотинѣ.

Не дождался Александръ разсвѣта, и безъ балалайки домой.

2.

— Я нашелъ себѣ невѣсту,—сказалъ Александръ отцу.

— Гдѣ, сынокъ, нашелъ, чья?

— Проклянутая,—разсмѣялся Александръ,—въ нашей плотинѣ.

Старикъ глаза вытаращилъ: нѣть не шутить.

— Въ нашей плотинѣ. И другой никакой мнѣ не надо.

Купилъ Александръ тройку вороныхъ жеребцовъ, сѣздили къ попу, заказали, чтобы встрѣтилъ на полдорогѣ съ крестомъ, какъ пойдутъ къ вѣнцу,—погость отъ деревни за двадцать пять верстъ. И сталъ съ отцомъ пиво варить да вино курить.

Все готово. Рябовъ домъ громокъ. Вся родня, всѣ соѣди явились на свадьбу. До пьяна напились гости. Пора по невѣсту.

— Да гдѣ жъ у тебя невѣста?

— Моя невѣста—въ плотинѣ.

— Въ плотинѣ?..

Ну, кто говоритъ, что спать захотѣлъ, кто—простынуть, моль, выйду, кто чего—куда хмель!—и какъ вѣтромъ, всѣ разошлись. Пусто въ домѣ. Одинъ крестный остался да кучеръ.

А ужъ ночь на дворѣ.

Кони рвутся, гульяль колокольцы.

Благословилъ отецъ сына, сѣлъ Александръ съ крестнымъ,—только пыль заклубилась.

Вотъ и мельница. Вода гремитъ на плотинѣ. Остановилъ коней кучеръ.

— Эй, невѣста,— кричитъ Александръ,— твой женихъ готовъ.

Ночь—ой, какая ночь!—шумъ, гремитъ вода на плотинѣ. И вышла Настасья. А за ней три сундука тащать.

Сундуки на скамейку. Усѣлись. Кучеръ хлестнулъ лошадей.

А вдогонку вихорь съ громомъ—пыль пылить.

— Ты не забыть?

— Кони видиши.

— На полупути?..

— Будеть, будеть.

Полпути. Громъ громище. Свистъ и вой. Пыль глаза за-слѣпляетъ. Небо горитъ.

А попа все нѣть.

Кони станутъ. Пропадетъ надежда. Не гульяютъ колокольцы, плачутъ.

А попа задержали. Слышишь, колокольцы плачутъ. Схватился да бѣжать. И поспѣль. Три раза обѣжалъ тройку съ крестомъ.

Ночь—какая ночь!—кони—вихорь, колокольцы гульяютъ.

— Ну, счастливо,—перекрестилась Настасья,—не поспѣй попъ къ часу, не видать намъ свѣта.

3.

Обвѣнчалъ попъ молодыхъ, зоветъ чай пить.

Настасья къ попадѣ. Втащили сундуки. Раскрыла. Выбираешь Настасью себѣ платье нарядиться. Выбрать не можетъ. Попадья тутъ же, заглянула въ сундукъ—глазамъ не вѣритъ. Схватила изъ сундука полотенце, схватила другое—Господи!—да къ попу.

— Отецъ, наша дочка нашлась.

Попъ затрясъ головою.

— Наша дочка нашлась.

— Не пойму.

— Настя! Настя!..

А была у нихъ дочка, въ сердцахъ прокляла ее мать еще въ люлькѣ, а какъ подросла, ушла съ дѣвченками купаться и пропала.

Бросился попѣть съ попадьей къ Настасіѣ.

— Прости ты насъ, мать, отца: не со зла, въ сердцахъ.

А она—одно щедрое счастье: ей мало простить, все забудеть и одарить—проклянутая и любимая.

И стали они жить—поживать, да добра наживать.

ХИТРАЯ.

I.

Разсердился староста на дьякона: староста Чижовъ не дай Богъ—чуть что, не поглядить, что храмъ Божій, при всѣхъ выговорить. Вотъ и съ дьякономъ Дамаскомъ вышло: проитрафился дьяконъ на пареміяхъ—забралъ больно высоко и на всеобщій соблазнъ кончилъ, совсѣмъ какъ пѣтухъ. Чижовъ и не вытерпѣль, да тутъ же и ляпнуль при всемъ честномъ народѣ. Хуже того, воспретилъ дьякону на вѣчныя времена паремі читать.

Въ позорищѣ выстоялъ Дамаскъ всенощную и ужъ какъ ночь провелъ, единъ Богъ знаетъ, и обѣдню служилъ, ничего не помнитъ.

Не обѣдишь пошелъ Дамаскъ съ повинной къ старостѣ: вѣдь, старался для благолѣпія и торжества, но что подѣлать, такой ужъ грѣхъ,—не соразмѣрилъ, и если другимъ смѣхъ и соблазнъ, ему пущее горе, и большие никогда онъ не допустить такого, попридержится, внизъ возьметъ.

— А хочешь вину съ себя снять,—сказалъ староста,— научи медвѣдя грамотѣ! Вотъ тебѣ и повинная.

Вернулся Дамаскъ домой къ дьяконицѣ.

— Или въ винѣ ходить до второго пріиществія или медвѣдя грамотѣ выучи!

Плачетъ.

А дьяконица не такая.

— Чего ты! Медвѣдя? Да давай мнѣ только медвѣдя, эка!

Обрадовался Дамаскъ и скорѣе назадъ къ Чижову: вѣдь, всю жизнь на пареміяхъ положилъ.

— Согласенъ, давай медвѣдя!

Усмѣхнулся староста — чудное дѣло! — велѣль выдать дьякону медвѣдя.

И повель дьяконъ звѣря, Господи помилуй! отъ страха читаетъ.

— Александра Петровна, вотъ тебѣ, принимай!

2.

Если и человѣка, чтобы пріучить, надо хлѣбомъ обязательно, а звѣря и подавно. Дьяконица такъ и сдѣлала, хлѣбомъ Мишу почевала и привыкъ медвѣдь, пересталъ фурчать на дьяконицу, а по дьяконицѣ и на дьякона.

И какъ сталъ Миша въ домѣ свой человѣкъ, тутъ его за книгу дьяконица и засадила. Напечетъ блиновъ, между листами переложитъ, дастъ Мишѣ книгу, а онъ блинъ ищетъ, листы перебираетъ, мормочетъ.

— Ну, какъ настоящій профессоръ,—потѣха!

И за какую недѣлю медвѣдь съ книгою, какъ въ лѣсу съ медомъ, управлялся.

— Вотъ тебѣ, дьяконъ, и вся хитрость.

Дамаскъ Александръ Петровнѣ въ ноги: еще бы, теперь-то ужъ помилуютъ, станетъ онъ по-прежнему подъ большиє праздники пареміи читать, заберетъ верхъ — на всю церковь.

3.

Въ субботу Дамаскъ служилъ всенощную. Словно послѣ долгой болѣзни или послѣ поста на страстяхъ такъ истово служилъ дьяконъ и молебно: сердце его было полно радостныхъ ожиданій. И ужъ какъ ночь провелъ, одинъ Богъ знаетъ, едва утра дождался, и какъ служилъ обѣдню, ничего не помнитъ.

По обѣднѣ пошелъ Дамаскъ къ старостѣ, медвѣдя повель.

— Медвѣдь читаетъ, какъ профессоръ!

Усмѣхнulся староста—чудное дѣло!—положилъ передъ звѣремъ книгу.

А Миша у дьяконицы-то привыкъ къ блинамъ, и сейчасъ же за книгу, да лапой и ну перелистывать, блиновъ искать.

— Моръ, моръ, моръ,—мормочеть.

Ай, да дьяконъ, ну, и медвѣдь!

— Сущій профессоръ!—гоготалъ Чижовъ, отгоготаться не можетъ.

А медвѣдь, знай, ищетъ, листы перебираеть, на своеи языкѣ мормочеть.

И не только снялъ староста вину съ Дамаска: читай парами, хоть всякую субботу, и сколько вльзеть!—а и наградилъ за потѣху.

Да и гости, кто случился у старосты послѣ обѣдни за чаемъ изъ прихожанъ знатныхъ, дьякона такъ не пустили.

И пошелъ Дамаскъ домой къ дьяконицѣ: рожа во—
сіяеть!

Скажетъ дьяконъ спасибо Александръ Петровнѣ: съ та—
кой ничего не страшно, съ такой не погибнешь на семъ
бѣломъ и горькомъ свѣтѣ.

ЛУКАВАЯ.

По закону жить Вѣрѣ вѣкъ свой съ Ильей.

И жила Вѣра съ мужемъ сколько лѣтъ въ любви и мирѣ.

Да сердцу-то законъ не писанъ: полюбился ей Никита. Думала она, думала,—жизнь-то, вѣдь, одна!—тайкомъ и сдружилась съ Никитой. И все шито-крыто. Ужъ дите ростетъ, а Илья ничего не подозрѣваетъ.

Жили они втроемъ, какъ въ законѣ.

Да не знаешь, гдѣ тебя настигнетъ.

Поѣхалъ Илья въ командировку. Что-то не вышло въ дѣлахъ и нежданно вернулся, и вошелъ въ комнату неожиданно—думаль-то жену удивить, а больше самъ удивился: сидѣлъ съ женой пріятель Никита, и показалось Ильѣ, ужъ очень по домашнему что-то.

Или это ему показалось?

Нѣть, пѣть, что-то было. И боится Илья признаться, и не можетъ не думать: да неужто-жъ правда, жена измѣняетъ?

И совсѣмъ не узнать Илью, сталъ раздражительный, ко всему придирается.

Да и Вѣра ходитъ хмурая,—захмуришься!

Пропала жизнь.

И пропала-бѣ, да Вѣра-то не такая.

— Хочу,—говорить,—поговѣть.

— Ну, что-жъ.

Ильѣ-то будто и полегчало

Разсудительный былъ Илья, понималъ: мало-ли какой грѣхъ наскокомъ бываетъ, а покается и опять по старому жизнь пойдетъ.

На исповѣди Вѣра во всемъ призналась.

Выслушалъ ее о. Спиридонъ, хорошій батюшкa, правильный.

— Вотъ что,—говоритъ,—Вѣра Васильевна, лучше вся-
каго поста и покаянія, откроися-ка ты мужу по всей по-
правдѣ.

Хорошо сказать: „откроися!“—только такое дѣло надо
дѣлать очень умѣющи, а то не вышло бы такого и на свою
да и на чужую голову.

Вѣра не такая, стой!—придумала.

Да надолго дѣла не откладывая, послѣ обѣдни-жъ зашла
въ табачную лавку и сторговала себѣ страшеннуу маску
съ сивой бородой, длиннющей,—вотъ она какая!

Вернулся со службы Илья, поздравляетъ.

— Не знаю,—говорить Вѣра,—что съ Колькой сдѣлать:
плачеть и плачеть. Надо-бъ его попугать!

— А какъ-же это сдѣлать?

— А надѣнь ты маску, Колька увидитъ тебя такого, за-
боится и перестанетъ плакать.

И подала мужу страшеннуу маску съ бородою, сама въ
дѣтскую. Раздразнила мальчишку, ну, тотъ и заревѣль.

Илья надѣль маску да тихонько къ дѣтской.

А Вѣра Кольку на руки да навстрѣчу.

— Иди прочь, дѣдъ, не дамъ тебѣ, не дамъ! Не твое,
дѣдъ, дите, другого отца!

Мальчишку съ перепугу и утихнулъ.

И Вѣра повеселѣла: открылась!

А Илья на радостяхъ забылъ всякое сердце.

И пошла жизнь у нихъ по прежнему, какъ ничего и не
бывало.

КЛЕЩАЯ.

Поминая, наказывалъ Кузьма Оринѣ:

— Попомни жъ, Орина, какъ помру, продай ты быка, и сколько возьмешь, пожёртвуй въ церковь по душу.

— Что ты, Кузьма, быка! Я и еще чего изъ домашняго продамъ, будетъ по тебѣ поминъ.

Померъ Кузьма, похоронили.

Поплакала Орина, потужила, да въ первый же базарный день и повела быка на торгъ, да еще и Василія кота приватила.

Ну, и идеть Орина, а навстрѣчу мясникъ.

— Что, бабка, за быка просишь?

— Да мнѣ много не надо: двѣ семитки.

Посмотрѣлъ мясникъ.

— Полно смеяться, говори толкомъ.

— Истинная правда, двѣ семитки. Только быка безъ кота не продаю.

— А много-ль за кота?—усмѣхнулся мясникъ: бабка-то, видно, того.

— Сорокъ рублей.

Мясникъ прикинулъ: дорогонько за кота, да ради быка купить стоитъ.

— Ну, по рукамъ!—и отдалъ Оринѣ сорокъ рублей, да еще и двѣ семитки.

Идетъ Орина домой—довольна: котъ Василій назадъ придетъ и деньги за кота при ней останутся—сорокъ рублей, а по душѣ даръ—цѣна быка, хозяйству не велика убыль.

Зашла Орина въ церковь, положила двѣ семитки.

Благодарила Орина Бога:

— Душенька упокоится, волю исполнила.

ПУПЕНЬ.

Рыли бабы по-наслыху кладь на валу, Алена да Анисья. И вырыли бабы пупень и вдругъ отъ Ивана Предтечи—валъ-то у церкви—гуль пошелъ. Съ перепугу задрожали у бабъ руки—пупень въ яму, сами присѣли. И видять, идетъ по-валу стариочекъ какой-то.

— Чего,—говорить,—вы, бабы, испужались?

Бабы ему въ ноги:

— Не губи, кладь роемъ.

Ну, стариочекъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, да и говоритъ:

— Да нешто такъ роютъ? Этому кладу пора ночная.

И наставилъ стариочекъ бабъ на разумъ, зря чтобы на валу не рылись, а ждали Пасху и на Пасху, между зарей и обѣдней запаслись бы краснымъ яичкомъ и, кто-бы на валу ни показался, похристосовались бы, не пугаясь.

— Тогда самъ выйдетъ!

Стариочекъ пошелъ своей дорогой, а бабы достали изъ ямы пупень и по домамъ ждать Пасхи.

Протянулась осень, прошла зима, катить весна-красна, а съ весною Пасха.

Еще на посту стало не до сна бабамъ: какой имъ такой кладь выйдетъ!

Стариочекъ-то училъ, запастись по яичку, а онъ каждая себѣ по три выкрасили, подоткнулись и въ передникъ положили: какъ тотъ появится, чтобы поскорѣе яйцо ему въ руку сунуть—бери, отворяй кладъ!

Кончилась заутреня, бабы на валъ и ну рыть. И ужъ заступъ сталъ задѣвать за что-то: плита ли тамъ чугунная, либо котелокъ съ золотомъ? И пошелъ вдругъ гулъ отъ Ивана Предтечи—и гулъ, и зыкъ, и ревъ. Оглушило бабъ, а земля ровно кисель подъ ними, такъ и трясется.

И видять, идетъ по валу, ой! медвѣдь не медвѣдь, козобанъ: ротъ—отъ уха до уха, носъ, что чекула, граблями руки, а глаза такъ и прядаютъ. Идетъ, кривляется и гудить и гудить.

Стали бабы рядомъ, оперлись на заступъ, въ рукахъ по яйцу: такъ вотъ сейчасъ и похристосуются.

А тотъ словно крадется—и медленно, медленно и прямо на нихъ, да какъ рявкнетъ.

Выронили бабы яйца да бѣжать, да что есть духу, добѣжали до паперти, обѣ и обмерли.

Ну, тутъ добрые люди опрыскали бабъ святой водицей изъ колодезя: отъ усердія, думали, съ бабами такое вышло. И опомнились бабы, и скорѣе домой.

„Богъ съ нимъ и съ кладомъ, вѣрно въ землю ушель“.

А какой котелокъ тамъ былъ съ золотомъ, какая плита чугунная!

И остались бабы,—не кладъ, а пупень.

ХЛѢБНЫЙ ГОЛОСЬ.

Жиль-былъ царь. И какъ не стало царицы, царь и призадумался: и то худо, что царицы нѣть, да на то воля Божья, и опять же хозяйство на рукахъ и не малое, надо кому распорядиться, надо и гостей принять честно, да чтобы все было, какъ у людей есть, а ему на старости лѣтъ дай Богъ съ царствомъ-то управиться.

А было у царя три сына, все трое женаты, при отцахъ жили. Вотъ царь и призвалъ къ себѣ снохъ, и старшую и середнюю и младшую, и рѣшилъ испытать, кому изъ нихъ большухой быть.

— Какой,—говорить,—голосъ дальше слышенъ?

Старшая думала, думала,—какой голосъ?

— Да вотъ,—говорить,—батюшка, намедни бычокъ за Москву-рѣкой рычалъ, такъ у Андроньева на обѣднѣ слышно было.

— Эка, дурѣха!—отставилъ царь старшую сноху и къ середней:—какой голосъ дальше слышно?

— Пѣтухъ у насъ, батюшка, седни пѣлъ по утру, а въ Соколинкахъ у мамушки слыхали, Софоровна сказывала.

Царь только бороду погладилъ: ну, чего съ такой спросишь?—и къ младшей:

— Какой голосъ дальше слышно?

— Не смѣю, батюшка, сказать, сами знаете.

— Какъ такъ, говори, не бойся.

— Хлѣбный голосъ дальше слышно.

— Какой такой хлѣбный?

— А такой, батюшка, если кто хорошо кормить, да голодного не забываеть, накормить, согреть, утѣшить, про того далеко слышно.

— Ну, говорить царь,—умница ты, Поля, по-русски сказала, такъ и будь ты большухой.

И пошло съ этихъ поръ на Руси—хлѣбный голосъ всѣхъ дальше слышенъ.

КОСТЯНОЙ ДВОРЕЦЪ.

1

У царя Кирбита построенъ былъ дворецъ дубовый, по всей землѣ чище его дворца не было. Со всѣхъ концовъ наѣзжали къ Кирбиту гости, на дубовый его дворецъ любоваться.

А хозяйка его взята была дальняя, баба фуфырная.

— Ахъ,—говорить,—царь Кирбитъ, хорошъ твой дворецъ, а вѣдь изгніетъ же!

— Какъ такъ?

— А ты бы, Кирбитъ, такой дворецъ построилъ, чтобы не изгнилъ.

— А изъ чего жъ его строить?

— Да у тебя лѣсовъ, полей, луговъ не обозришь, сколько птицъ живетъ тамъ, разныя жертвы ъдягть: мясо обираютъ, а кости не трогаютъ. Собери эти кости, построй ты себѣ костяной дворецъ.

Понравилось царю: костяной дворецъ!

— А какъ эти кости-то собрать?

— А которая птица какую жертву ъла, она кости оставила знать гдѣ, она и принесеть. А потомъ муравьевъ напусти, муравьи до-чиста выголодутъ, и кость готова.

— А какую же птицу послать, чтобы птицъ оповѣстила.

— Синицу! Лучше синички нѣтъ никого.

2

Царь Кирбитъ жену послушалъ. А и въ самомъ дѣлѣ, лѣсовъ, полей и луговъ у него вдоволь, птицы живутъ,

жертвы ъдѣть, костей сколько хочешь—сколько даромъ добра пропадаетъ!—набереть онъ этихъ костей, дворецъ построить костяной.

И посылаетъ царь синицу оповѣстить птицъ.

Полетѣла синица, облетѣла всѣхъ птицъ:

— Гдѣ какое мясо потребляете, кость не бросайте, а несите къ царю къ Кирбиту: передъ дворцомъ свалка.

Поднялись птицы лѣсныя, полевые и луговые, несутъ кости къ Кирбиту.

И нанесли птицы изъ лѣсовъ, изъ полей и луговъ разные кости, косточки, костки,—цѣлую гору костяную передъ дворцомъ наклали.

3

Призываетъ Кирбитъ синицу:

— Всѣ ли птицы за работой?

— Всѣ,—говорить синица,—одного сыча нѣту.

— Почему сыча нѣту?

— А я и не знаю.

— Такъ ступай, повѣсти сыча: если не желаетъ на моей землѣ жить, пускай вонъ убирается.

Повѣстила сыча синица.

Сычъ къ Кирбиту.

— Почему, Сычевъ, кость не носишь?

— Извини, царь Кирбитъ, я законы просматривалъ.

— Какіе еще тамъ законы?

— „А кто бабу слушаетъ“...

— Стой!—перебилъ Кирбитъ,—я костяной дворецъ хочу строить.

— Есть такие, по дворамъ ходятъ, кости для сахару собираютъ, костянки.

Царю и неловко.

И приказалъ царь птицамъ разнести кости за дворецъ въ ровъ, а ровъ велѣль засыпать, чтобы и слѣда не оставалось,—неловко!

ТУШИЦА.

Печникъ Василій много на свое мъ роду гдѣ бывалъ, по путямъ-путинамъ не мало хаживалъ, Богъ хранилъ, на одной, путинѣ осѣкся, до сей поры память.

Зашелъ Василій въ одну деревню въ сумерки, о ночлегѣ подумывалъ, да куда ни попросится—нигдѣ не пускаютъ.

А скоро и ночь, и совсѣмъ отчаялъ духомъ.

„Дай, — думаетъ,—хоть въ баню заберусь, тамъ до утра кое-какъ прокоротаю“.

Стояла на краю деревни баня, Василій туда тихонъко, дверь отворилъ,—баня топлена!—да на полочекъ и запрятался. Хорошо—полеживай!

Одна бѣда: ъесть больно хочется.

Лежитъ Василій,—сосѣтъ: ъесть больно хочется!—и вдругъ слышитъ, вошелъ кто-то.

— Семёнь! Семёнь!

— Чего?—откликнулся Василій.

— На тебѣ бутылку вина и пирогъ съ рыбой. Я черезъ часъ приду.

Поставила на лавку, а сама за дверь.

Слезъ Василій съ полка, выпилъ, закусилъ. Бутылку подъ лавку, а самъ вонъ изъ бани.

„Придетъ настоящій, дастъ взбучку“!

А куда скрыться? Неподалеку овинъ. Василій въ овинъ. Въ овинѣ ничего нѣтъ. На цѣпяхъ сани подняты. Василій взобрался въ сани и залегъ. И только что размѣстился поудобнѣе, идутъ.

— Что ты,—говорить,—Дуняшка, такъ долго?

— Какъ! Я вамъ бутылку водки подала и пирогъ съ рыбой.

— Никакой бутылки не видалъ.

Ну, посердился, посердился, помирились. Разговоръ про другое, потомъ совсѣмъ замолчали.

А Василію любопытно, приподнялся и давай черезъ головку саней тянуться. А оглобель-то нѣту, сани какъ пырнуть, онъ головой на гумо.

Тѣ, какъ зайцы, и!—разбѣжались. А у Василія искры изъ глазъ.

Нечего дѣлать, вставай и или,—и здѣсь ему не мѣсто.

Побрелъ Василій на деревню. Что будетъ, то будетъ. Въ избенкѣ огонекъ. Заглянула въ окно: старуха собирается куда-то.

— Нельзя ли погрѣться?

— Ой, батюшка, я въ бабки снаряжаюсь. Иди, иди. Сей-часъ дочка съ бесѣды придетъ.

Старуха впустила Василія, а сама изъ избы.

Влѣзъ Василій на печку—тепло—разлегся. Скоро и дочка старухина пришла, а съ ней ея двѣ товарки.

Разгорѣлись дѣвки на бесѣдѣ.

— Ой,—говорятъ,—сестрица, давай въ тушицы поиграемъ!

Согласились, хоочутъ: все имъ смѣхъ.

Вышла дочка старухина, подвѣсили ее дѣвки за ноги къ воронцу печи-то; закрутятъ, она завьется, а ее похлопываютъ.

— Твоя тушица, моя душица!

Хлопаютъ, хоочутъ,—весело.

— Твоя тушица, моя душица!

Василій лежалъ, лежалъ, любопытство-то разбираеть, что за тушица, и потянулся съ печи—кирпичъ полетѣлъ, а онъ съ печи да головой обѣ полѣ.

Поднялся и не помнить, какъ изъ избы вылетѣлъ, только дома ужъ опомнился—вотъ она какая тушица!

КУКУШКА.

1.

Всѣхъ иригожжий была дѣвочка Машутка, двѣнадцать лѣтъ ей минуло.

Ходила Машутка на прудъ купаться. Плескались и играли на водѣ подружки. Вотъ вышли, одѣлись, а Машутка послѣдняя—и платья ея нѣту.

— Ну, идите домой, гдѣ нибудь да розыщу.

Сѣла Машутка на бережку, раздумываетъ: или куда въ кусты занесло ея платье?

Выходитъ Змѣй изъ воды.

— Вотъ ваше платье, идите за меня замужъ!

— Какъ я пойду? Нельзя.

— А ты только слово дай.

Ну, пойду.

Машутка сказала „пойду“, Змѣй ей платье и отдалъ.

Одѣлась она проворно и бѣгомъ, догнала подружекъ, но ничего о Змѣѣ, и дома никому ни слова.

Прошло четыре года, выросла Машутка невѣстой. Просватали ее за одного человѣка, и назначенъ былъ день играть свадьбу.

Слышитъ Змѣй—выдаютъ Машутку, ночью вышелъ изъ пруда и укралъ ее.

Пріѣзжаетъ женихъ, а Машутки нѣть—пропала.

Потужили, погоревали, да никто пособить не можетъ: судьба ужъ такая.

Живеть Машутка въ пруду у Змѣя, не Машутка, Марья Змѣевна. Ладно живеть со Змѣемъ, за три года прижила себѣ сынка и дочку. Хорошо ей въ пруду, не на что жаловаться, всего вдоволь, всѣмъ довольна, только хочется, хоть разокъ, дома побывать.

И просится Марья у Змѣя въ гости къ отцу, къ матери, посмотретьъ на нихъ, старикамъ внучатъ показать.

Змѣй отпустиль.

Забрала Марья ребятишекъ, да изъ пруда по дорожкѣ и прямо къ дому—такъ близко, рукой подать.

Увидала старуха, обрадовалась.

— Гдѣ, дочка, поживаешь?

Марья ей все и рассказала о прудѣ, о Змѣѣ и какъ живеть она ладно, ни въ чемъ горя не видить, и одно скучно—по родному дому.

Пришелъ съ поля стариkъ, занялся внучатами.

Угостили дочку.

Стала мать пытать у ней о Змѣѣ.

— Когда приходишь, разговариваешь съ нимъ?

— Какъ-же! Вотъ вернусь и скажу: „Змѣй, Змѣй, отвори мнѣ двери!“ Вода развоится, окажется коридоръ, лѣстница крутая...

Полегли спать.

А старуха не спить, думаетъ все, жалко ей дочери.

До свѣту взяла она саблю старику—воеваль когда-то стариkъ—да съ саблей на прудъ, да головомъ дочернымъ, по-марыиному, и кличетъ надъ водой:

— Змѣй, Змѣй, отвори мнѣ двери!

Услышалъ Змѣй—Марьинъ голосъ!—пошелъ, отворилъ двери.

А старуха саблей на него,—всѣ головы и снесла прочь.

И замутился прудъ кровью.

Бѣжитъ старуха съ пруда—чуть заря играетъ— машетъ саблей.

Проснулась Марья: что такое?

— Ну, молись,—шепчетъ старуха:—освободила тебя отъ напасти! Никогда туда не вернешься.

Догадалась Марья—Змѣй не живъ!—ничего не сказала, взяла дѣтей и вышла изъ дома, а итти ужъ некуда—не вернуться въ прудъ.

Обняла она сына:

— Ой, сынокъ, навѣкъ я несчастна! Ты ударясь о землю, сдѣлайся ракомъ, до вѣка ползай.

И ударила мальчика о землю и поползъ онъ къ пруду.

Обняла она дочь:

— Ой, дочка, навѣкъ я несчастна! Ты ударясь о землю, сдѣлайся пташкой, летай до вѣку.

И ударила дѣвочку о землю и полетѣла она синичкой къ пруду.

— А я, ой, навѣкъ я несчастна, полечу я кукушкой, буду вѣкъ куковать.

И ударилась Марья о землю—и слышно, тамъ за прудомъ по зарѣ закуковала.

Вотъ почему кукушка такъ горько кукуетъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

Положено въ основу разсказовъ моихъ народное. Я пользовался слѣд. сборниками: Н. Е. Ончуковъ, Сѣверные сказки, Зап. Имп. Рус. Географ. Общ. по отд. этногр. XXXIII т. Спб. 1908 г., Д. Н. Садовниковъ, Сказки и преданія Самарского края, Зап. Имп. Рус. Географ. Общ. по отд. этногр. XII т. Спб. 1884 г., Борисъ и Юрій Соколовы, Сказки и пѣсни Бѣлозерского края. Изд. Отдѣл. Рус. Яз. и Словесн. Имп. Акад. Н. 1915 г., Русскія звѣтныя сказки, Валаамъ, годъ мракобѣсія, А. Н. Аѳанасьевъ, Повѣсти о мудрыхъ женахъ, Лѣтописи Рус. Лит. и Древ. М. 1863 г. т. V.

Беастрашная Братнина	Сад. 4. Онч. 71.
Ворожея Върная	Онч. 191. Сок. 17.
Догадливая Дошлая Другъ	Онч. 205, Сад. 79, Ае. П. З. Сок. 70. Сок. 99.
Жалостная Желанная	Онг. 104. Онг. 96, 170.
Клещавая Костяной дворецъ Красная сосѣнка Кукушка Кумушка	Ае. П. 4. Ж. С. 1912 г. II—IV, 4. Грязовецъ. Ж. С. 1912 г. II—IV, 5. Онг. 285.
Лепетливая Лихая Лукавая Лѣшая	Сок. 14, 107. Онч. 95. Ае. П. 2. Сок. 124.
Мудрая	Сок. 11.
Нелюбая Несчастная	Сок. 71. Ж. С. 1912 г. II—IV, 14.
Обиженная Обреченная Оклеветанная Огадчица Отчаянная	Сад. 72-е. Онч. 147. Онч. 80. Онч. 94, Сад. 40. Онч. 294.
Подружки Поперечная Потеряннаа Проклянутая Пупень	Онч. 288. Онч. 217, Сад. 24. Онч. 184. Сок. 28. Сад. 112-ю.
Робкая	Онч. 289.
Сердечная Сердитая Суженая	Онч. 286. Сок. 45. Онч. 120.

Толокно	Сок. I, Онч. 50, 139, З. С. LXVII.
Тушица	Сок. 92.
Умница	Сок. 64.
Хитрая	Ае. П. I.
Хлѣбный голосъ	Э. О. 1891 №
Шавая	Сад. 73.

О ГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Суженая	9
Желанная	12
Обреченная	15
Жалостная	18
Потерянная	20
Робкая	23
Оклеветанная	26
Отчаянная	35
Поперечная	37
Лихая	42
Братнина	45
Подружки	50
Красная сосенка	53
Кумушка	55
Ворожея	58
Сердечная	60
Отгадчица	62
Догадливая	65
Лепетливая	69
Мудрая	73
Въриая	80
Умница	86
Лѣшая	88
Несчастная	92
Безстрашная	95
Обиженная	97

	стр.
Шавая	99
Сердитая	100
Нелюбая	103
Дошлая	107
Другъ	110
Толокно	112
Проклянутая	116
Хитрал	121
Лукавая	124
Клещавая	126
Пупень	127
Хлѣбный голосъ	129
Костяной дворецъ	131
Тушица	133
Кукушка	135
 Примѣчанія	139
Оглавленіе	143